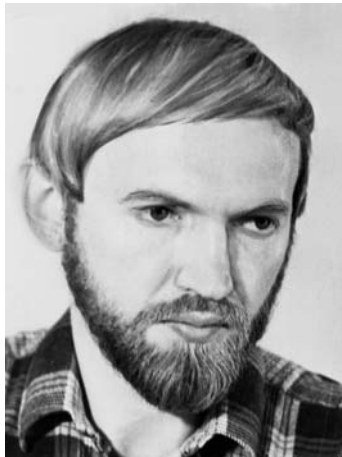

АЛЕКСАНДР ТРАПЕЗНИКОВ

ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

ПОВЕСТЬ

1

Он был просто человеком небольшого роста.

— Короткий ты, — с укоризной говорила ему жена. Да еще и добавляла при этом: — Мало что короткий, так еще и тупой.

А с ней не поспоришь. Она в семье всегда занимала главенствующее положение. Во-первых, зарабатывала гораздо больше, а во-вторых, и физически была намного крупнее. А он — что? Фитюлька, замухрышка, да к тому же, в связи с глобальным кризисом, отправленный в бессрочный отпуск без сохранения заработной платы и пособия.

По профессии Вася был фотографом, но газета, с которой он сотрудничал, и так-то дышавшая на ладан, временно вообще заглохла. А до пенсии оставалось еще десяток лет. До ухода из жизни, по российской статистике, и того меньше. Что делать? Вопрос вопросов.

Перед лицом вечности надо постараться прожить оставшиеся годы с максимальным толком и пользой для души. Это Василий Аверьянович смутно понимал, но не соображал — как? И тут вспомнил о своей мечте из счастливого, “проклятого” советского детства. Когда он играл в разведчиков и хотел стать шпионом. Или следователем, детективом.

Вот и пришло его время. Всё возвращается на круги своя, старый становится малым. Так не только в Библии сказано, так вообще в жизни. Птицы стремятся туда, откуда они улетали, рыбы нерестятся там, где сами ро-

---

ТРАПЕЗНИКОВ Александр Анатольевич родился в 1953 г. в Хабаровске. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института. Автор книг «Тень Луны», «Механический рай», «Игры идиотов» и многих других. Выступает в периодической печати как публицист и критик. Живет в Москве.

дились, и даже людей-злодеев тянет на место преступления. Что уж говорить о восходе и закате солнца, о круговороте воды в природе. А детективы-мыслители призваны во всей этой тайнописи разобраться.

Фотографом Вася был справным, на хорошем счету. И, несмотря на малый рост, прыгал выше головы, чтобы поймать ракуры и сделать удачный снимок. Это ему удавалось. Он даже имел некое преимущество перед другими, более дылдыстыми фотокорами. В любую щель мог пролезть.

А вот каким станет детективом? Тут ведь порой и кулаками приходится поработать. Так, по крайней мере, следует из всех книжек и фильмов. Уж их-то Вася начитался и посмотрелся вдоволь. Собственно говоря, всё свободное время на эту ерунду и тратил. От Агаты и Донцовой до Бонда и Глухаря.

Но надо признать, что профессии детектива и фотографа чем-то схожи. Оба выжидают, выслеживают, анализируют ситуацию, ищут подходящий момент, когда предмет наблюдения наиболее открыт и пребывает в подлинном своем естестве. Тогда только щелкают и предъявляют ему и публике свои доказательства. Ведь снимок — это та же улика.

На нем человек не хорош и не плох, он просто “схвачен за руку” в нужную секунду, от которой уже не отвертеться, застигнут на месте “преступления”. Если преступлением можно назвать саму жизнь, особенно вредную и бестолковую.

Не скажет тогда: “Не моя это секунда, не мое время, не я это вообще и не было меня тут. Я другой”. Нет, милый. Ты это, и только ты, и ты ответишь за всё, что сотворил. Не успел спрятаться за кадром. Вот доказательства.

Однако с работой в газете Василий Аверьянович расстался без сожаления. Уж больно она в последнее время пожелтела и поглупела. Туда ей, в компостную яму, и дорога, спасибо мировому финансовому кризису. Ему и самому уже надоело щелкать гламурно-глянцевых звезд, да еще и получать порой от их охранников по мордам.

Ну какие “доказательства” ущербности, в свете вышесказанного, можно им предъявить? То, что они пусты, как турецкий бубен, и так же громко и бестолково гремят? Да это и без фотоснимков ясно. Вот уж действительно жизнь их, бытие — настоящее преступление перед родом человеческим, перед его вековыми духовными чаяниями, надеждами и стремлением к “умному деланию” и самосовершенствованию.

Человек, так, по крайней мере, нас учат святые отцы, вроде бы носит в себе “образ Божий”. Но тут-то он где? В искаженных похотью лицах, в дергающихся от сатанинской пляски телах, в смрадных словах и звуках, в обезумевших от жажды поклонения и денег глазах? Это личина беса. Его образ.

Он теперь и на сцене, и в кино, и на экране телевизора, и в книжке, и на высокой трибуне. И всё чаще можно столкнуться с ним на улице. Даже в своем собственном доме. А то и в зеркале прячется. Когда глядишь на себя с грязными мыслями.

Василий сам хотел уйти из газеты, не так давно начав размышлять на подобные темы. Видно, время пришло, Господь управил. Но как начать новое дело, а по сути новую жизнь, не обремененную порочными страстями и душевными муками? Как отринуть от себя губительные соблазны и бесцельные метания?

И чем лучше детектив-следопыт фотографа-хроникёра? Не скатится ли он опять в ту же бездонную духовную пропасть? Сомнения и нерешительность совсем загрызли его, но заветная мечта детства оказалась сильнее.

Как ясно выразилась жена, когда он объявил ей этим июньским утром о том, что хочет заняться частным сыском:

— Сбылась мечта идиота, не прошло и сорока лет. Денег не дам, не надейся.

Она была бизнесумен, правда, среднего масштаба, но наличность в банке имела. А Вася на ее капитал и рассчитывал, хотя бы на часть, хотя бы на ссуду, чтобы открыть детективное агентство и получить лицензию. Сорвалось. Можно было не продолжать. Но безработный ныне супруг всё же рискнул:

— А взаймы, Варя, не дашь? Под расписку. Хочешь, напишу кровью.

— Под такое тупое дело тебе никто не даст, хоть семенем своим безродным пиши. И лицензию никогда не получишь. Ты же не специалист. Не мент бывший, не юрист. Был самым коротким в мире фотографом, а теперь решил стать самым укороченным детективом? Идиот, одно слово.

— Зачем ты так, Варя? Я ниже тебя всего на пятнадцать сантиметров.

— Ты ниже меня на сто метров по уму. Иначе бы не клячил сейчас деньги. И вообще, если не найдешь в ближайшее время нормальную работу по специальности, я еще подумаю, терпеть ли тебя дальше в моей квартире. Не проще ли дать пинка под зад? Ищи тогда объедки на улице. В мусорном баке открывай свою детективную контору, крысы будут твоя самая лучшая клиентура.

— Злая ты, Варенька, стала. Прежде не была такой.

— Прежде солнце иначе всходило.

— А теперь как? На Западе?

— Вот именно. Пора бы это уже уразуметь. Не маленький. Хотя вру. Мал до предела, — подытожила супруга.

Она постоянно тыкала ему его ростом, но Василий к этому давно привык. Не комплексовал. Сейчас он попробовал предпринять еще одну, последнюю попытку смягчить сердце жены. Решил жать на чувства.

— А помнишь, — задумчиво начал он, обнимая её, — как мы с тобой впервые встретились у Горячкиных? Ты тогда была в красном платье и белых туфельках, с распущенными светлыми волосами...

— Охолони, — ответила бизнес-леди, сбрасывая его руки с плеч. — Я уже давно не блондинка, а брюнетка, если ты заметил. Поезд ушел. Скажи спасибо, что ты сам еще куда едешь в его последнем вагоне.

Однако далекие воспоминания вдруг кольнули и ее душу.

— Ладно, — подумав немного, сказала она. — Поступим так. Если тебе, Вася, столь невтерпёж, то распутай мне какое-нибудь самое темное преступление, а я тогда уж и решу: давать тебе на агентство деньги или нет? И вообще, стоишь ли чего-то в этом деле или, как обычно, занимаешься дуракавалянием. Петришь, короче, либо по-прежнему самый короткий в мире идиот. Всё, разговор окончен.

— А какое преступление-то, Варя? Намекни хоть. Есть ведь такие древние, что с библейских времен тянутся и до сих пор не раскрыты. А есть свеженькие, только намедни испеченные. Какое блюдо изволите подать к ужину?

— А какое хошь. Какое на тебя смотрит.

— На меня сейчас ты смотришь.

— Вот мной можешь и заняться, — усмехнулась Варя. — Попробуй, выясни, что за скелет я в шкафу прячу? И кончим на этом. Меня персонал ждет, мне действительно на работу пора, в отличие от некоторых коротышек.

— А срок-то какой даешь на раскрытие? — крикнул ей вдогонку Василий.

— Две недели! — откликнулась жена, помахав ручкой. — А не раскроешь ничего — высажу из поезда, так и знай. Мне безбилетные лопухие зайцы ни к чему.

Ей можно было верить. Бизнесвумен слово свое держать умела. Купеческой крови была, предки ее мукой торговали по всей Москве. Да и сейчас она по их стопам хлебобулочными изделиями занималась. Дело крепко поставила. Марка своя была, короче. Бренд, по-новому, по-аглички.

А Вася не только дедушек, отца-то с матерью не знал. Подкидыши, словом. В детдоме сначала рос, потом интернат был. Но даже там всё равно жизни радовался и терпел пинки да плевки, иначе бы быстро озлобился и сломался. А другие с тех пор уже давно кто на зоне привычно шконку давят, кто спился и божуется по необъятным просторам России, кто занаркоманил и занохался клеем да и испустил дух.

Жили они в Сокольниках, на одной из Ширяевских улиц, которых тут было несколько. В родовом гнездышке супруги. Это был еще один козырь в

ее руках. Главный, квартирный. Все лучшие карты у нее, все короли и тузы, а у Васи что? Только фотоаппараты да детская мечта стать детективом.

Но она-то и может когда-нибудь, история тому учит, превратиться однажды в джокера. В любой игре, особенно — в жизнь. Хотя не игра это во все, а само судейство ее, и ты не зритель или участник партии, а сам главный арбитр и есть. И нужно лишь суметь не предать свою детскую мечту хотя бы в зрелые годы. Иначе уж всё продавай — ум, талант, почку, тело. Душу тоже. Покупатели всегда сыщутся.

2

Первым делом Василий Аверьянович отправился на прогулку в парк, чтобы всё хорошенько обдумать и постараться выполнить требование любимой жены. Рассчитывая только на свой аналитический ум, как на пушкинскую золотую рыбку. А Варвара в последнее время всё больше напоминала ту сварливую старуху из сказки. Стремительно движущуюся к своему изначальному корыту.

Нет, внешне она по-прежнему оставалась привлекательной молодящейся дамой среднего возраста. Дашь сорок, хотя было больше. Следила за собой, посещала фитнес-клуб, косметолога, делала “подтяжки” и пару раз пластические операции. Так что с фасадом этого хлебного здания всё было в порядке. Но вот внутри, в закромах и в подсобках...

Злаковый бизнес совсем заглохнул, дожёвывал. Одно желание следовало за другим. Она все расширялась и расширялась. Не по фигуре и фактуре, а в кондитерском смысле. Прежде такой цинично-расчетливой не была. Была воздушной, веселой и беззаботной принцессой, как на вечере у Горюхиных.

Где сейчас эта радужная девушка? Вся вышла. Где её-то мечты? Не ужились с рынком. Сменила красное платьице на строгий деловой костюм, а туфельки растеряла, убегая со сказочного бала юности. В погоне за хлебной прибылью. За брендом, бизнесом с инновациями и прочей требухой.

И превратилась Золушка в Мачеху. А пасынок при ней — он, Вася. Как всё тот же малец из детдома, горькая сирота казанская. Без роду и племени. Сказка кончилась. Да и была ли она когда?

А обратно в утреннюю свежесть путь труден и долог, не всякий на него и решится-то. Обернуться вновь из гагары ласточкой не легко. Тут требуются душевные усилия, по мановению волшебной палочки с базара в каретке на чудесный бал не вернешься. Уж проще плыть в мутном потоке вместе со всеми остальными щепками и прочим мусором в Никуда и в Ничто. В шлюзы отстойные.

Открывала Варвара теперь в отдаленных уголках столицы булочные, филиалы, передвижные киоски. Какой только продукции не выпускала! Батоны, плюшки, сдобы, сухарики, кексы, крекеры, чипсы и прочее, прочее. Это бы и не плохо, дело-то полезное, важное и даже благородное.

Хлеб — точно всему голова. А вот зрелища во все времена и в любых странах — это низ низов, мозоли на пятках. Нельзя эти два слова рядом ставить. Древние римляне совместили их в своей ненасытной утробе, потому и исчезли с лица земли. Как бы и с русскими того же не произошло.

Человек ведь, верно мудрецы говорят, есть то, что он ест. Будет уминать за обе щеки гамбургеры — превратится в американца-обжору, в большой ходячий биг-мак с бездумным чизовским разрезом-ухмылкой до ушей. А станет есть русский хлеб — останется русским. Ржаным, ситным да бородинским человеком.

Караваем, одним словом. С душой, пахнущей настоящим хлебом. Готовым вновь засеять поле, вспахать его и вырастить урожай. И отстоять, если понадобится, Куликовы, Бородинские и Прохоровские поля от недругов.

Василий видел, что супругу всё больше обуревают не чистое стремление к окормлению людей хлебом, а жажда наживы, бессмысленная тяга к Мамоне. Цены на свои дрожжевые булки всё повышала и повышала, а качество становилось всё хуже и хуже.

Изготавливали их в турецких мини-пекарнях, и хлеб этот не утолял голод, а лишь имитировал сытость, разбухая в желудках как вата. Или даже как стекловата, поскольку потом резало внутри и пучило. Не переваривался он, не усваивался организмом.

Но люди-то об этом не догадывались, а если и знали, то всё равно покупали, поскольку другого-то не было. А главное здесь — красивая обёртка. Как упакуешь, так и продашь. Словно бумажка, форма важнее самого содержания, сути.

Это теперь повсеместно, с другими продуктами тоже. И не только с ними, с едой, но и помимо пищи — с тем, что глотают из телеящика, широко раскрыв рты. А также глаза и уши. Чтобы насытиться, обожаться просто из этой самой большой и доступной “продуктовой корзины” лжи.

Да тут супруга еще и какой-то кошерный хлеб надумала печь, по талмудистским рецептам, заручившись согласием синагоги. Лишь бы еще часть рынка отхватить, клиентуру расширить. Совсем умом двинулась. Вот кто короток-то, по большому, пусть даже гамбургскому счету. Предки ее на такое не пошли бы. Нет, не стали бы своих соотечественников чужеродной турецкой да прочей отравой потчевать.

...Сокольники им были исхожены вдоль и поперек. Это было его любимое место отдыха, да и работы тоже. А сколько он сделал здесь прекрасных снимков, какие чудесные, необыкновенные человеческие лица поймал в кадр! А какое волшебство эти зимние, припорошенные снегом и обвешанные хрустальными сосульками деревья, и овальные Оленьи пруды, покрытые тонкой прозрачной коркой льда, и весенние радужные проталины, и летние разноцветные изумрудно-агатовые клумбы, и багряное осеннее увядание листьев, и суета милых доверчивых белок, кормящихся из детских ладошек...

И ветхие старики с орденскими планками на затертых лацканах, и влюбленные до небес в своих чад мамы с колясками, и донельзя серьезные мужчины с газетами на лавочках, и гурьбой бегущие школьники, и горделиво вышагивающие изумительно красивые кони, ведомые под уздцы, и брошенные на произвол судьбы, отринутые от жизни бомжи и бомжихи, и многое-многое другое.

Он знал парк Сокольники как свои пять пальцев. Изучал его историю, искал приметы и черты былых времен, знаки и символы, оставленные здесь предыдущими поколениями.

И всегда находил что-то новое. Неизведанное, по крайней мере, для него самого. А это ведь тоже чем-то напоминает добровольную работу любителя-детектива, исследователя прошлых тайн. Разгадывателя исторических кроссвордов.

3

Что представлял из себя этот огромный, сосновый преимущественно парк, в те далекие годы? В четырнадцатом и пятнадцатом веках — густой девственный лес, тянувшийся к востоку до села Черкизова, а к северу уходивший на десятки километров к Троице-Сергиеву монастырю. Через лес этот проходила важная Стромьнская дорога из Москвы в Суздаль. По ней шел собирать свои войска Димитрий Донской, когда к столице подступил Тохтамыш.

А в шестнадцатом веке здесь уже любил охотиться Иоанн Васильевич Грозный, которого столь невзлюбили и по-школярски подло вымазали одним лишь чёрным дёгтем будущие и советские, и либерально-демократические историки. Когда ему-то воздадут должное, его монаршему величию и мудрости, без прикрас и очернения? Распутают клубок тайн души первого на Руси Удерживающего?

Здесь же, в Сокольниках, лежала деревенька Возниковская, где жил знаменитый наш победитель Смуты князь Димитрий Пожарский. А неподалеку от нее, в середине семнадцатого века, на берегу Яузы, “Тишайший” царь Алексей Михайлович построил себе деревянный Преображенский дво-

рец. В местности, носившей название “Собачья мельница”. Тоже был заядлым охотником.

В то время предпочитали охотиться главным образом с помощью собак или соколов да кречетов. С псами преследовали лося или кабана, которых гнали до тех пор, пока они не падали от изнеможения. Тогда уж охотник шел на лай и приканчивал зверя кинжалом. Так и название возникло — Ло-сино-Поганый остров, к северу в Сокольниках.

А соколов, завидя бегущую добычу или летящую в небе птицу, подбрасывали с руки вверх. Те стремительно взмывали в высоту и оттуда камнем падали на намеченную жертву. Убивали ее своим железным клювом и приносили своему хозяину-сокольнику. Есть предание, что любимый сокол “Тишайшего” — Ширяй — бросился на лису, но не рассчитал удара и сам разбил насмерть. В память о нем и появились Ширяево поле, Ширяевы улицы и проезды.

А вот Петр I охоту не любил, увлекался игрой “в солдатики”. Наталья Кирилловна, матушка его, и все бояре считали эту забаву унижительной и недостойной юного царя. И однажды уговорили-таки Петра поехать вместе с ними поохотиться. Что же из этого вышло? А ничего хорошего для самих бояр.

В лесу царь велел отпустить псарей, которые держали в руках бечеву от своры управляемых ими собак. И взять эту бечеву боярам. Те повиновались. Но делать-то правильно не умели. Тут особый навык нужен. Собаки перепутались в бечеве, полезли под лошадей. Кони испугались и понесли. Бояре попадали и побились. Собаки разбежались, а Петр остался доволен. Охота не состоялась.

А уже на следующий день он решил позвать бояр на соколиную охоту. “Опять что-нибудь нехорошее затевает”, — подумали, не без основания, они, и сказались больными. Петр I в назидание изрек: “Аще светлая слава есть в оружии, то почто же мя ко псовой охоте от дел царских отвлекаете и от славы к безславию приводите? Аз царь есмь и подобает ми быти воину, а охота оная принадлежит псарям и холопам”. Так с тех пор охота в Сокольниках перевелась и заглохла.

Много о чем вспоминал Василий Аверьянович, прогуливаясь по летнему парку и мысленно переворачивая страницы Истории. О супруге своей и ее требовании он покуда не размышлял. Всему своё время. Две недели еще есть.

За такой срок, при желании, можно тайну “Янтарной комнаты” раскрыть, а в ней и библиотеку Ивана Грозного обнаружить, где загадки египетских пирамид хранятся и все сведения об исчезнувшей Атлантиде и даже инопланетянах, с грифом: “Строго для служебного пользования. Вскрыть токмо лишь Васе Соколкину”.

Кстати, жена так и не захотела сменить свою охотничье-собачью фамилию Борзых, с ударением на первом слоге (это она всегда подчеркивала, как бы всецело оправдывая ее глубинный смысл), на его птичью. Но зато столь близкую и родственную именно их месту проживания. Сокольникам.

А пока так приятно идти в разумном молчании по аллеям среди ветвистых кленов, где, конечно же, прогуливались когда-то царицы — и Анна Иоанновна, и Елизавета Петровна. Где на Сокольничьем поле в такой же, должно быть, солнечный июльский месяц, становился лагерем карабинерный полк и происходили войсковые маневры.

Где в коронацию Александров и Николаев устраивались “народные гулянья”. На даче знатного купца Буркина, старшего, к слову, компаньона Борзых, в саду, иллюминированном тысячами разноцветных фонарей, в превосходной и с редким вкусом построенной галерее играл оркестр. А что же он тогда исполнял?

Василий осознавал это видение столь реально, будто сам мальчишкой-половым из местного трактира находился в задних рядах праздной шатающейся толпы. И тянулось, подпрыгивал выше собственной головы, стараясь лучше разглядеть полковых музыкантов.

Вглядывался мысленно, внутренним зрением в их парадные начищенные мундиры, доломаны, аксельбанты с серебряной канителью, золотые галуны

и шевроны, ментики, блестящие нагрудные бляхи, пуговицы и лядунки, сверкающие на солнце духовые трубы, рожки, горны.

Сводный оркестр из преображенцев, измайловцев, финляндцев играл не только вальсы и польки, для развлечения гражданской и чиновной публики, но и волшебную музыку Моцарта, Чайковского, Бартольди. Что это были за чарующие звуки! Какие несравненные душевные мелодии лились, казалось, с самих небес... Заслушаешься.

Московские газеты не зря писали в то время: “Из всех прелестных окрестностей столицы любимейшее гулянье — Сокольники. В “Волчьей долине” и в парке — всегда большое общество. Для уединения — 6—8 верст тенистых тропинок заведут в глушь. Живописные берега Яузы — с белеющими купальнями, где можно освежиться...”. Да что листать пожелтевшие страницы, надо видеть и слышать. Чувствовать аромат времени.

Во второй половине девятнадцатого века Сокольничья и Оленья рощи вместе с прудами были куплены у казны городом, и в них устроен общедоступный парк для всех жителей. Для таких даже простых бедолаг, как безродный Вася Соколкин. В центре, на так называемом “кругу”, была воздвигнута деревянная ротонда, позже здесь же устроена открытая сцена, на которой за умеренную плату давались не только серьезные концерты, но ставились порой и целые оперы русских классиков.

На живописных прудах катались с дамами в лодках, бойко шла торговля в купеческих лавках Буркина и Борзых, приглашал под свою сень ресторан. Но рабочий люд предпочитал приходить в Сокольники со своим самоваром и распивать семейно чай на зеленой, изумрудной травке.

Мусора после себя, между прочим, не оставлял. Вот вам и “царское время”, вот вам и “тюрьма народов”, “империя зла”. Здесь же и первую линию конки провели. А еще устроили специальный питомник деревьев, предназначенных для посадки в других парках и на улицах Москвы.

Ну а в начале двадцатого века пошли тут митинги да маёвки, нелегальные сборища да столкновения с полицией и баррикады, а потом... Не хочется даже и вспоминать. Василий и не вспоминал, эта тема ему была не интересна.

Хотя и в ней много еще чего загадочного. Как так вышло, что, побросав медные самовары, русский рабочий люд взялся за булыжник? Да изгадил не только Сокольники, а и всю Россию?

Кто тайно вёл его на это чудовищное преступление? И хотя предки Соколкина, судя по всему, сами принадлежали к той же среде, обмшуренной иноплеменными поводырями, но сотворённую ими мерзость запустения и беззаконие он не только не одобрял, а просто-таки ненавидел. Как и нынешних их духовных, а лучше сказать — бездушных идейных соратников-нелюдей, завладевших на российской земле всем ради собственной утробы.

Вот уж кто действительно самые короткие на земле люди, людишки даже, сколько бы ни было у них денег и власти. Не ведают, не хотят знать, что за всё придется ответ держать. И муки их будут страшные, вечные, со скрежетом зубным, как сказано в Библии.

Никакой дантист тебе там уже не поможет, в геенне огненной. У него на своей сковороде те же проблемы. А Господь за всё спросит. Он не Тимошка, всё видит в окошко. Что толку в неге жить, коли душа твоя омертвела? Пропать тогда твоя жизнь, пропась бесконечная.

А ведь Варвара его уже совсем на краю этой бездны стоит. Еще шаг, шажок — и полетит вниз. Попробуй тогда, верни назад. Василий даже сам остановился, ужаснувшись этой мысли. Осознав вдруг, что не только его семейный корабль дал течь, судно это давно на мель село, но самый близкий и родной ему человек погибает, не ведая, что творит.

Нравственно калечит себя, будто добровольно ложится под нож умелого и опытного, надо в том согласиться, дьявольского ловца-хирурга. А тот в охотку и режет, делает “подтяжки” души и сердца, да пластические операции в полушариях мозга.

Все его пациенты — целый легион слуг — по ту сторону любви, добра и милосердия. Безобразны они, по сути, как сам отец лжи, обезьяна Бога, “хирург” этот.

Фотограф-детектив сел на свободную лавочку, задумавшись в печали и грусти. Что же с Варей-то делать, как помочь ей? Глаза ей открыть, совсем ведь слепая стала. Вот уж действительно стоит у нее в шкафу скелет, тянет к себе, стучит костяшками, зовет. Чтобы в брачном танце слиться. И погубить окончательно.

Не видит она его, потому что не зряча ныне. А хорошо бы было скелет этот поймать в объектив, шелкнуть да показать снимок ей: гляди, вот он, тот, кто тебя гложет, изгрыз уже изнутри всю, иди к доктору, настоящему, ступай в Церковь.

Сам Василий принял крещение уже в осознанном возрасте. В детдоме бы кто крестить стал? Был верующим, но не так чтобы очень уж воцерковленным, а тайно, как первые христиане. Вначале, при атеистической Советской власти, было это со всех сторон гонимо и осуждаемо, опасно даже, а жена так и вовсе шпыняла, когда он осенял себя украдкой крестным знаменем.

Теперь модным стало, сверху донизу, от кремлевской верхушки до последнего лавочника. Бродят со свечками по храму, глаза выпучив да крестясь то левой, то правой рукой, словно от мух отмахиваясь. Что еще хуже, поскольку не вера это, а лишь стадное баранье чувство. Когда о шерсти своей печешься больше, чем о спасении души.

Вот и приходилось как-то тайно исповедовать. И тогда, и сейчас. В церковь ходить от случая к случаю, а в непогоду и вовсе под крышей дома укрываться. Стыдливо креститься при чужих людях. Малодушно молчать, когда при тебе богохульствуют или сквернословят. Слушать анекдоты пошлые и хохотать вместе со всеми над всякой дурью, а то и над прямым кощунством. Молиться рассеянно, думая о чем-то другом, земном.

По глупой традиции поминать родных с водкой. Посты не блости, заботясь о том, как же можно прожить без колбасы и пельменей? Причащаться редко, всё потом, потом, успеется. Торопливо уходить из церкви до окончания службы или проповеди.

А куда спешить-то? От света горнего и всеблаженства опять во тьму и суету мирскую? Чтобы побыстрее выгнуться в телевизор, да гороскопы с "пророчествами" Нострадамуса полистать?

Так и жизнь свою всю перелистаешь в один миг, не заметишь, как закончится. Журнал этот в пошлом глянце, с уродливыми фотками и страницами твоей судьбы, тобою же самим второпях, коряво исписанный. И не успеется тогда уже ничего. Поздно.

Не дело это, вроде как трус ты, готов в опасной для себя ситуации отречься от Христа, только поведут тебя на суд синедриона. Даже палачей еще нет с плетьюми, а ты уж и не исповедуешь, продать горазд. Страх этот всё еще жил в его душе и сердце, а больше в голове, в мозгах. Что ж... Грешен. А кто свят-то? Свят тот, кто ничего и никого не боится, кроме Господа.

А еще и такая, вроде бы, на первый взгляд, мелочь, но дьявол ведь не случайно в деталях прячется. Вот надел ты с утра башмаки и вышел за кефиром на улицу. А и не заметил, что на подошве у тебя кресты. Теперь "обувщики" такими мастерами-хитрецами стали, что враз обуют душу христианскую по своей нечестивой мерке.

Идешь ты, значит, по улице, и с каждым шагом крест попираешь. Да еще и на брошенную копейку наступишь, а на ней изображение святого Георгия Победоносца. Он змия копьём поражает, а ты на его облик — в сапогах. Много у бесов уловок.

Каялся Василий, думал обо всем этом, исправлялся в последнее время. Особенно, когда остался без работы. А теперь еще, может быть, по воле жены, и на улице окажется. Совсем свободным станет. Уже не боялся он открыто при всех креститься на купола встретившихся по пути церквей.

Излечивался от страха иудейского. От болезни этой, проказы, поразившей весь мир пострашнее всякого там свинячьего гриппа, в самом же синедрионе и выпестованного, вкупе с толерантностью и экуменизмом.

Ведь поди ж ты до чего докатилось: скажешь кому громко, что “я — православный русский”, так тебя тут же в ксенофобии обвинят. Ага, ки-чишься, другие нации и конфессии ненавидишь! Ату его, чтобы другим неповадно было! А то, что “я — француз и католик”, “я — еврей, пострадавший во всех коленах от дефолта и Холокоста”, “я — баптист и иеговист в одном пузырьке”, “я — гей с парада”, так это ничего, это нормально, это приветствуется. Одним русским на родной земле капканы да рогадины.

Была еще одна тайная мечта у Василия Аверьяновича. Побывать на Афоне, совершить паломничество на эту Святую для православных христиан Гору. Тянуло его туда сейчас изо всех сил, всем духом его. Так и исходил бы Афон вдоль и поперек, хоть босыми ногами. Вот где всё родное, всё близкое и все — свои. Ни один древний монастырь бы не пропустил, ни один скит, келлию или каливу. Однако денег на эту поездку не было.

Обязательно бы хоть одним глазком заглянул в Хиландар, Костамонит, Пантократор, Каракал, Ксилургу, Пантелеимон, Ватопед, Дохиар и другие монашеские общежития. Карту Афона он наизусть выучил, были у него и паломнические книги о Святой Горе. Но он их от жены прятал, на загородной даче, в оборудованном им под крышей тайнике. Иначе стала бы опять насмехаться, а то и сгребла бы всё в кучу да выбросила.

А вот свою-то оккультную литературу по магии, хиромантии, сонникам разным и религиям Востока с учениями всяких блаватских и рерихов на виду держит. И не боится ведь ничего. Ну, его, Васю, ладно. Знает, что он не посмеет даже дотронуться до них.

Что её, она так поставила, то — её, “и что твоё — тоже моё, потому что своего у тебя, коротыш несчастный, ничего нет”. Да и не надо, не очень-то и хотелось! А Бога-то не боишься? Даром, что ли, тебе это увлечение пройдет?

А еще читает книги каких-то экстрасенсов, колдунов и ворожей — Клизовского, графиню Маковий, Владимира Мегре, Анастасию, Асауляк, Джуну, Лонго, Таранова, Свияж, Малахова, прочую муть, ну и, конечно же, “Розу мира” Андреева. Как без нее. Без нее карма и аура не того цвета будут.

Одно время йогой занималась и медитацией, а еще прежде — обливанием “по Иванову”. С “Деткой” под подушкой спала. Про карты “таро” и говорить нечего. Любимое занятие. Уже не отучишь, сколько ни пробовал. Василий тяжело вздохнул.

5

Он сидел сейчас на лавочке и думал об этом. Болтая ногами и не доставая ими до травки. А мимо народ шел. И все — чужие. Странно как. Здесь, на родине, в милых сердцу Сокольниках, где прожил четверть века, люди всё больше мутнеют и желтеют, как на выцветших фотографиях, а там, на неизведанном им пока Афоне, они — именно что свои, и обретают в его душе невиданную четкость, неземной ракурсе и провиденциальный смысл. Здесь кто-то спешил куда-то, кто-то просто прогуливался, но до него никому не было дела. А там — ждали.

Может быть, дело в том, что мы, поспешные христиане (так размышлял Василий), ищем Бога на земле, и чаще всего не в пустыни или в других заповедных и труднородных уголках, а среди монолитов цивилизации. Нам кажется, что где материальный рай, где комфортней жить — там и Бог.

Ну, и там, конечно, тоже, но только с наказующим и вразумляющим перстом. Потому что земного рая, в нашем практичном понимании, вообще нет и не может быть. Обман это. Человечество сотни раз строило его, запутывалось в нем и кончало страданиями. Лишь ненависти в мире прибавлялось.

Но есть отблеск его, рая небесного — в намоленных храмах, монастырях, лаврах. Там, где положен предел всему суетному и преходящему. Всем цивилизационным искусам. И одно из таких самых горных мест — Афон. Вот где подлинное чудо из чудес. Вот где тайна великая. Только достоин ли он туда попасть, приблизиться к нему хотя бы? Услышит ли в своей душе этот зовущий его греческий возглас — “Аксиос!” Достойн...

Потом мысли его переключились опять на супругу. И на предстоящее расследование. Конечно, эту его мечту об Афоне и сравнить-то нельзя было с детским желанием стать детективом. Совершенно разные весовые (или не-весомые?) категории.

Но ведь есть и что-то относительно, отдаленно общее. Тайна, вот что. Загадки человека, его дел и деяний. Святых и грешных. Загадки Божественного промысла и чудодейственных явлений. В одном случае это тайны земные, а в другом — таинства небесные.

И если первое вполне естественно подлежит всестороннему исследованию, распутыванию клубка, то второе — неохватно и непостижимо человеческим разумом. Как объяснить, скажем, схождение ежегодно на Пасху Святого Огня в Храме Господнем в Иерусалиме? Или Троицество Отца, Сына и Святого Духа? Или Мироточение икон? Или Туринскую Плащаницу с обликом Спасителя на полотне, словно это отпечатанный снимок, исполненный неведомым ангельским фотографом?

Наука тут бессильна со всеми своими нобелевскими лауреатами и радиационными анализами. Детективы тоже отдыхают. Надо просто верить, а не копаться в Истине, словно в мусорном для тебя ведре, подвергая ее сомнению и пытаясь найти какие-то опровергающие ее следы. В ней преступных улик нет. Она не нуждается в алиби. Истина и есть Бог.

Но большинство людей, вполне, кстати, нормальных, добрых и честных, по-прежнему продолжают искать для себя каких-то непреложных доказательств чуда. “Вот если увижу собственными глазами, тогда...”. Да весь мир вокруг тебя и ты сам — это и есть Божье творение, неразгаданная тайна и чудо. Каких тебе еще свидетельств надо?

Василий вспомнил состоявшийся полгода назад разговор с женой на эту тему. Время от времени он предпринимал подобные попытки, но всё реже и реже. Поскольку наткнулся на глухую стену равнодушия и отчуждения. А то и на нервные, невразумительные отклики, граничащие с истероидными припадками. Словно уже экзерсис для нее требовался. А речь тогда пошла вот о чём.

В Ионическом море, не так далеко от Афона, лежит остров Кефалония. Там в Средние века возле деревни Макропуло находился женский монастырь. Однажды все мужчины из поселка отправились на рыбную ловлю, а в это время на горизонте показался пиратский корабль. Монахини понимали, что их ждет. В отчаянии они стали горячо молиться перед иконой Божией Матери, именуемой Лангабарской, то есть Змеевидной, взывая к Её заступничеству.

И что же? Спасения, казалось, уже нет. Пиратский корабль пристал к берегу. Разбойники начали ломиться в ворота обители. Когда те рухнули и негодяи ворвались внутрь, то их охватил ужас. Они увидели... больших черных змей. Нечестивцы в страхе бежали прочь, а с тех пор на этом острове происходят удивительные чудеса.

Каждый год, в день Успения Богородицы, после захода солнца, со всех окрестных гор на место монастыря, где теперь стоит часовня, сползают ядовитые змеи. Они становятся совершенно ручными и никого не жалят. Хотя в иное время их укусы смертельны. Во время литургии они ползут к Лангабарской иконе Божией Матери. Со змеями можно играть, ласкать их, гладить, обвивать вокруг шеи. Так все и делают.

Всех охватывает какая-то просветленная радость, особенно детей. Это удивительное состояние, словно ты попадаешь в рай. Такого больше нигде нет, ни в каком месте земного шара. Но на следующий день змеи уползают обратно в горы. И вот тогда уже они опять становятся смертельно ядовитыми. Что же это такое, как объяснить?

Супруг, рассказывая Варваре об этом ежегодном кефалонском чуде, пытался донести до нее ту простую мысль, что Господь держит перед нашими глазами открытую Книгу, перелистывая страницы жизни и мира, а мы либо зажмуриваемся, либо пытаемся всё истолковать по-своему, списывая явление чудес на сущность невероятного и невозможного, а потому и не реального. А это Область Тайнственного. Ведь даже мистика, по словам отца Сергия Булгакова, есть воздух Православия.

Мысль свою Василий до жены так и не донёс, расплескав по дороге. Вернее, чашу эту с Истиной она выбила из его рук и закричала в ответ что-то истеричное. Мол, хватит поповских сказок, махровый ретроград, черносо-тенец (это-то тут при чем?), безродный ублюдок и вообще — тварь подза-борная. Слово бес в нее вселился.

Он даже не ожидал от нее такого буйного напора и натиска с метанием из глаз шаровых молний и разбрызгиванием ядовитой слюны. Будто превра-тилась в миг не в кефалонскую, а в обычную болотную гадоку. Предпочел за благо умолкнуть и уйти в сторону.

Понял одно: чужие они становятся друг для друга всё больше и больше. А в чём причина этого отчуждения? Вот что надо расследовать. Кто и когда преступил Закон. Кто тут противостоит друг другу: муж ли жене, жена ли мужу, их обиды, мысли, взгляды на мир, ценности в душе и кармане, а может, просто два вида жизни, за каждым из которых свое войско — живых и мёртвых?

6

И тут вдруг Василий Аверьянович почувствовал, что близок к разгадке тайны своей супруги. Будто озарение какое пришло. Нет, не пришло еще, а только мелькнуло перед глазами, как бабочка-махаон. Вот и опять кружит-ся, а в руки не дается. Эх, поймать бы...

Да сачка такого нет, чтобы вот так просто изловить порхающую вокруг тебя и дразнящую мысль. Потрудиться надо. Главным образом духовно, серд-цем и разумом. Так оно и называется в святоотеческих книгах — “умное делание”. Исихазм то есть.

Заняты им как раз монахи на Святой Горе, да не все общежительству-ющие, а лишь ведущие уединенное существование, безмолвные. Глубоко по-груженные в личную молитву. Когда внутренний мир становится главным в процессе управления и овладения миром физическим.

Когда человек словно бы выходит из этого мира, из его быта, из его ис-тории, и с помощью этого “умного делания” приобщается к существующему над реальным бытом и реальной историей вечному “умному миру”. Та же йо-га, если рассудить по-простому, только христианская, средоточие православия.

Герой наш даже с лавочки ветал, готовый тут же броситься что-то сде-лать, чтобы поймать эту ускользящую мысль-бабочку, на крылышках кото-рой словно бы отпечатались два прекрасных и безжизненных волооко-синих лица Варвары. Но стоял недвижно, страхась и любуясь ими.

Есть такая манящая красота, что сковывает тебя по рукам и ногам, ко-торой почти не в силах противиться. Будто заморожен ею. И знаешь ведь, что ведёт она напрямик к гибели, но подчинен ей полностью, как оседлав-шей тебя сладкой панночке-ведьме.

Если не сбросишь с себя эту нечисть, то пропадешь. Глянуть надо откры-то, не страхась, тогда и спасешься. Даже если умрешь. Не прятать голову, а смотреть в лица и личины этим чудищам, как подобает православному ры-царю. Витязю русскому.

Ведь и смерть вовсе не обязательно означает твое поражение, если речь идет о духовной брани. Погибли и многие мученики за веру, в том числе и апостолы Христа. И гоголевский Хома Брут, скажем, сделал самый важный в своей жизни выбор: не послушался заботливого внутреннего голоса само-сохранения, не спрятался от врагов. Не испугался, нет, а “не вытерпел и глянул”, приняв бой.

И в итоге своей короткой и весёлой, вовсе не святой жизни, обнаружил в себе вдруг такую прочность, какой, должно быть, и сам не подозревал. Но для уничтожения нечистой силы в решающую минуту сделал всё, что мог. Почитайте внимательней Гоголя.

Внес свою “небольшую лепту”, как евангельская вдова. Бедный, безрод-ный, может быть, такой же малый ростом, как и Василий, он погиб жуткой смертью. Но с ним вместе стинули и все эти навьи чары, колдовские полчи-ща с Виём во главе, включая панночку-ведьму. Вот что главное.

А не приторговывала ли и она среди заезжих бурсаков хлебом? Как Варвара. Подумав об этом, сначала в шутку, Василий Аверьянович стал припоминать некоторые странности, замеченные за его супругой в последнее время. И чем больше он вспоминал, тем жутковатее ему становилось. Даже морозец по коже пробежал в этот теплый летний день.

Ну, то что она книжки разные вредные почитывает да медитирует — это ладно, будем считать бабским вздорным увлечением, кризисом среднего возраста. То, что в церковь носа не кажет и от молитвы воротится — похуже будет, но и это поправимо. Всякому овощу свое время, плод созреть должен, а насильно мил не станешь. Веру навязать — что петлю на шею набросить. Самому надо прийти к воротам и постучаться.

Но вот появились у нее за эти полгода какие-то совершенно странные друзья-товарищи, подруги-наперсницы. Вроде люди как люди, но что-то непонятное. Говорят тихо, шепотом, с придыханием. Смотрят искоса, мимо или сквозь тебя, словно не видят вовсе. Ходят крадучись, с оглядкой. Одежды не броско, по большей части в серое или темное. Лица напряженные, как будто готовятся к теракту.

“И тени не отбрасывают”, — чуть было не решил Вася, совсем уж охолодев от подкатившего ужаса. Но нет, пустое. Чего нет, того нет. Вернее, что есть, то есть. Тень на месте. Не вампиры это никакие и не террористы. Те в Трансильвании торчат, а эти на Кавказе. До Сокольников покуда не добрались. По крайней мере, не такой большой кучей, что прислонилась-присосалась за эти полгода к Варваре.

И что еще странно: Василия в свою компанию они принимать никак не хотели. Сторонились. Когда он приходил домой — они все затворялись вместе с супругой в одной из комнат и что-то бубнили там да шушукались. Бубу, шу-шу. Ничего разобрать нельзя. Он и не пытался.

Или торопливо расходились. Только “здрасьте — до свиданьица”. А проследить за ними он и не додумался. Тогда еще давняя мечта стать детективом лишь вновь вызревала в нем. Ну вот и пришло время. Теперь можно за них всерьез взяться. Нечисто тут что-то. Мрак, одним словом. “Скелет в шкафу”, — как сказала бы сама Варвара.

Однажды, правда, месяца два назад, он спросил ее об этой публике напрямки:

— Что за люди такие? Из каких краев, какого роду-племени и чего от тебя хотят?

— Не твоего короткого ума дело, — в свойственной ей хозяйской манере ответила супруга. — А будешь допытывать — сживу со свету.

— Но все-таки... Может, помочь надо?

— Отстань, идол!

Вася и отстал. Черт с ними, не к месту (а может, как раз-то и к месту!) рогатый будет помянут, пусть сами с ним и с собой разбираются. А так сидят себе тихо, секретничают, туману напускают, ну и ладно. Никого не трогают, и то хорошо. Но в тихом омуте... Известно, что там за рыба с клешнями водится.

Признаться, он уже подумывал о том, что это какая-то секта. Много их сейчас по всей России. Варя ведь не случайно всякой там теософией да колдунами увлекалась. Но чтобы дойти до прямого попадания в сети? Так уловиться?

Нет, она женщина трезвая, разумная, бизнес-леди к тому ж. Для нее главное — дело делать, булки печь да торговать ими по всей Москве. А блаватские с прочей ворожбой потом, к вечеру, в виде отдыха и разгрузки, на десерт, перед сном.

Но что-то слишком часто в последнее время эти люди-нелюди начали появляться в их доме. И еще. Сама она также стала каждый месяц, хотя бы на один-два дня, куда-то исчезать. То говорила, что на дачу надо съездить, то филиалы хлебные в Подмосковье проверить, то еще какую-нибудь себе командировку выдумывала. А впрочем, особо отчетами себя перед мужем не утруждала.

Василий сперва решил даже, что она милого дружка себе завела. А его бокову. Но зря грешил на нее. Подумав как следует, понял, что ошибается. Не та она женщина, чтобы таиться по такому поводу, обманывать. Чего тут скрывать? Да и времени лишнего на амуры нету.

Характер у нее другой, не подлый. Если бы полюбила кого — так пошла бы в открытую, честно. Тоже мне, секрет Полишинеля. Сама бы призналась. И разругала бы с ним, с Васей, в тот же час. За это он ее, между прочим, и уважал. И не было у них еще за всю семейную жизнь ничего подобного. Измены то есть.

А сейчас тогда что? Что за напасти такие на нее напали? Может, кредиторы толкуются, присосались как клещи. Или шантажисты втихаря орудуют. Или того хуже — рейдеры. Да тоже вряд ли. Вели бы они себя более нагло, грубо. Вмиг бы все булочные оттяпали.

Но и в этом случае Варя также не стала бы от него тайну за семью печатями держать. Посоветовалась бы, как поступить дальше? Что ни говори, а к его мнению она иногда прислушивалась. Особенно в столь серьезных вопросах. Голова-то у него светлая.

— А не связаны ли, допустим, ее отлучки из дома с лунным календарем, с приливами и отливами? — осенившись новой идеей, произнес он вслух и рубанул рукой воздух. Так увлекся своими размышлениями.

И не заметил даже, что уже не один на лавочке, а еще какая-то юная сладкая парочка сидит. Те вздрогнули, отодвинулись подальше, а потом и вовсе поспешно удалились. От этого странного, взбешенного, с лихорадочным блеском в глазах городского сумасшедшего-коротышки.

— Итак, — продолжил бормотать Василий Аверьянович, оставшись один и уже никем более не сдерживаемый, не ограничиваемый в своей свободе рассуждать в полный голос. — Рассмотрим три версии. Три скелета в шкафу. Первое — неприятности по работе. Наезд криминала, рейдеров, чиновничий беспредел и тому подобное. Назовем эту гипотезу “Хлебная выпечка”. Второе. Нечто личное. Возможно, связанное с далеким прошлым. Или с внезапно вспыхнувшей страстью. Дадим условное название “Милый друг”. Ведь исключать ничего нельзя, хороший следователь должен проверять все версии, даже самые неправдоподобные. И третье. Что-то оккультное, inferнальное, мистическое. Озаглавим этот скелет “Доктор Фауст”.

Определившись, таким образом, в центральных направлениях своего предстоящего расследования, Вася Соколкин, самый короткий и почти воздушный детектив в мире, облегченно вздохнул и, оправив перышки, взмыл в небеса. То есть приступил к делу.

7

В последующие три часа он достаточно преуспел. А еще приключились два события, которые не только повлияли на дальнейший ход детективады, но и, как показало ближайшее будущее, круто изменили его жизнь. Да и судьбы других людей. Однако обо всем по порядку.

Начать с того, что Василий Аверьянович, вернувшись на короткое время домой, достал из-под платяного шкафа свой заветный дневник, который также прятал от жены, как и книги про Афон. И начал читать записи, сделанные за последние полгода. Особое внимание уделял датам. Сверял их с положенным рядом астрономическим календарем.

Надо сказать, что летопись свою он вёл давно, еще с детства, с сиротского приюта. И всегда очень обстоятельно, убористым почерком, стараясь ничего не пропустить. Не хуже Нестора. Хотя и не в таком историческом размахе. Не касаясь высоких сфер, а только сугубо личных. С бюрократическим упорством фиксируя каждое мало-мальски значимое событие, которое с ним произошло. И даже погодные явления.

Собственные настроения утром и вечером, материальные покупки и духовные приобретения, мирные походы в театр с женой и будничные ссоры с нею же, прочитанную славную книжку и огорчительную сцену на улице, увиденную вдруг в вышине радугу и жёсткий град с небес, и многое-многое

другое. Даже скрупулёзно отмечал температуру воздуха за окном в то или иное время суток. Не говоря уж о долготе светового дня, а также о восходах и заходах луны и солнца.

Некоторые, особо остроумные, циничные и насмешливые, сочтут эту долготлетнюю привычку признаком латентной либо шубообразной шизофрении и попросту посмеются. Но это потому, что у них у самих всегда и всё в полном порядке. И никаких своих душевных проблем нет, а чужие их не волнуют. Мало ли на свете чудаков-коротышек со свихнувшимися мозгами! Всех не перестреляешь.

А для Васи его дневник являлся просто жизненно необходимой отдушиной. Это было как своеобразное хобби, поскольку других-то и не имелось вовсе. А так хоть какое-то развлечение в жизни. В унылой серости дней. В тягостном однообразии будней. Да еще в роли камер-пажа при властной и своенравной супруге, судьба которого полностью зависит от ее воли и хотения.

Главное, чтобы не нашла дневник. А то совсем взбесится.

Есть в одной из русских сказок такой персонаж, который, не имея ни родни, ни друзей, бегал зимой в морозный лес и выговаривался в дубовое дупло, доверяя лишь ему свои тайные откровения и душевные помыслы. Так же и Василий со своими тетрадами, большую часть из которых прятал в стропилах на даче, а свежеспеченные — под платяным шкафом в Сокольниках.

И в данном случае бумага и тонкий маркер заменяли дупло. Цивилизационный прогресс не остановишь, он налицо. Возможно, и Колобок теперь не по земле катится, а в “лексусе” ездит. И Емеля не на русской печи загорает, а в Анталии лень мает. Да и сам Иван-дурак нынче офисным планктоном командует. На пару с Василисой Премудрой. Топ-менеджер и бизнес-леди, по-ихнему. Ничего уже от России не осталось, даже своих героев.

Правда, в конце той самой сказки все наболтанные слова волшебным образом оттаяли и зазвучали сами собой, раскрывая окружающим замороженные секреты и мысли их владельца. Но это, если вдуматься, не столь уж плохо и страшно. Напротив. В высшей степени законно и промыслительно. Не было бы лишь слишком поздно.

Когда-то же ведь должно открыться людям то, что хотел поведать им, но никак не решался это сделать маленький человек, скрывавший свою боль, муки и прозрения? Претерпевший в собственной жизни столь много обид и несправедливости. Как Вася. И всё тайное в финале любой сказки, будь то хоть самая разреальная жизненная быль, обязательно становится явью.

Но вернемся к летописному дневнику. Тщательно просматривая последние записи, Соколкин сделал следующие выводы, которые касались супруги и появившихся в ее жизни таинственных черно-серых людей с ускользающими от прямого взгляда лицами. И выводы эти укладывались во все три плана расследования. В “Хлебную выпечку”, в “Милого друга” и в “Доктора Фауста”.

По первому пункту. У Варвары был младший компаньон в хлебном бизнесе. Имел свою долю, небольшую, правда, процентов двадцать пять — тридцать. Вложил средства, когда еще только открывались. Тот самый Горячкин, который их и познакомил и стал потом свидетелем на свадьбе. Это был ее старший школьный приятель.

Одно время они крепко заружили семьями, да и общее дело налаживали. Встречались, короче, часто. Но потом как-то отделились друг от друга. Может быть, между Варварой и Петром Горячкиным черная кошка пробежала? Нет. Отзывалась она о нем по-прежнему хорошо. Просто он другим бизнесом увлекся. Туристическим. И все силы на него бросил.

Но вот в последнее время, нет-нет, а тоже стал вдруг появляться в доме Борзых-Соколкиных. О том имелись конторские записи в дневнике Васи. Был, как и прежде, моложав, остроумен, энергичен. И высоким ростом не поубавился. Но однажды Варя обронила невзначай наедине с мужем, что дела его тупооператорские идут неважно. Конкуренты заели. Теперь ведь этих агентств пруд пруди, как грибы после либертарианского ливня вылезли.

Василий и сам с усмешкой замечал, когда шел по улицам: через каждый дом, сплошь и рядом, одни парикмахерские, аптеки, туристические офисы и продажа надгробных плит. Будто действительно российский люд только для этих целей теперь и нарождается на белый свет. Побриться-постричься, вылечить геморрой, съездить в Турцию да установить над собой памятник бесцельно прожитым годам.

А в хлебном бизнесе у Варвары тоже что-то приключилось. Какая-то структурная пауза или откат назад. Сама она об этом не распространялась, но Вася чувствовал. За годы супружеской жизни он хорошо изучил ее характер и психо-физиогномику. Когда у нее что-то не залаживалось, шло скверно, то и дома всё из рук валилось. Настроение резко менялось. Становилась злой, вздорной, необузданной просто.

В последние полгода именно такой и стала. Не потому ли и за кошерный хлеб ухватилась, как за последнюю соломинку? А не Горячкин ли ей и посоветовал за него взяться? Он ведь полукровка, как она однажды сказала мужу. И гешефтами еще со школьных лет промышлял. Давал одноклассникам деньги в рост, под проценты. Рубль за полтора.

Конечно, все превратности бизнеса, и туристического и хлебного, можно объяснить глобальным кризисом. Который никого не пощадил, ни своих, ни чужих. Больше-то, конечно, чужих. Доллары еще напечатают, сколько угодно, бумаги не жалко. Но так-то на эту рукотворную причуду можно всё свалить, хоть наводнение в Европе или извержение вулкана Эйяфьятлайкудль в Исландии.

Кризис когда начался? Года два-три назад. А неприятности у Варвары пошли совсем недавно, с тех пор, как стали появляться в их доме люди-не люди и Петя Горячкин. А это шесть месяцев назад. Вот и делай выводы. Наматывай на ус, Вася, детектив короткий.

Теперь второй пункт. “Милый друг”. Тема была столь важная и болезненная, что Соколкин решил сделать небольшой перерыв. Он закрыл дневник, в который сейчас старательно записывал все свои рассуждения, сунул тетрадь за пазуху и вновь отправился в милый его сердцу парк, чтобы поразмышлять на природе, а не в душной комнате, где с некоторых пор ему стало так не хватать чистого воздуха.

А Сокольники будто нетерпеливо ждали его с распростертыми объятиями и ароматом цветов.

8

Василий вновь удобно устроился на облюбованной им лавочке, напротив передвижного ларька, с которого шла бойкая торговля пирожками и пончиками. Не иначе как Варвариными. Итак, есть ли у нее милый, да пусть даже и не милый, а просто дежурный “друг”? Завелся ли кто, как хорь в курятнике?

Мнения своего по поводу возможной, внезапно вспыхнувшей у супруги к кому-либо страсти и любви, он не изменил. Она бы тогда сама ва-банк пошла. Но вот ежели обычный, стандартный по ГОСТу любовник, жиголо? Да, прежде и такое было бы не реально. Но времена-то меняются. И мы вместе с ними.

А что если она последовала примеру своих бизнес-подруг, у которых вкупе подобных альфонсов пруд пруди, по две-три штуки на каждую? Наверняка советуют и ей сделать то же самое, знакомят, сватают. Тем более что все они относились к Васе пренебрежительно, насмешливо, свысока.

Удивлялись: как такой невзрачный коротыш, да еще без “зелени”, без связей и имени, простой фотограф, не только звезд с небес, но вообще ничего не умеющий хватать, заточал занозой столь надолго возле нее, королевы кексов? И почему она сама не погонит его прочь веником, как приبلудную собаку? А жалеешь, так тогда хоть любовника заведи.

Василий знал об этих разговорах гламурно-деловых див с Варварой, довелось как-то невзначай подслушать. Именно полгода назад. Когда он по коридору мимо гостиной, где они девичник свой проводили, шел. Супруга в тот

вечер их не осадила, а всего лишь промолчала. Будь он на ее месте, то уж не стерпел бы подобных заливаний. Вмиг бы указал на дверь.

А она, кажется, только посмеялась. Но ведь этот смех и молчание выглядели как первый шаг к сдаче “своих” врагу. Предательство с малого начинается. Незаметно, исподволь. Вползает змием-искусителем, соглашателем. Молча ползет. В ту трещину в душе, которая едва приметна.

Сперва примешь на слух чужие, вредные, никчемные слова, не возражишь ничем, потолерантствуешь за компанию. Похочешь, когда, может быть, и не тянет вовсе. Осудишь безмолвно вместе со всеми того, кто тебе близок и дорог. Потом пустишь эти коварные слова в сердце, они там и расцветут, как крапивное семя.

Неприятный у него остался осадок. Но и он сам тоже после этого случайно услышанного разговора ни слова жене не сказал, не упрекнул. Пусть сама решает. Готов и добровольно уйти. Без веника. Да и собаки ничем не хуже людей всегда были. Даже намного лучше. А уж преданность свою ни сколько не растеряли. Вот с кого пример брать.

Но вернемся к “милому другу”, кто он? Ежели есть. И где встречи проходят, если таковые имеют место быть? Отъезды жены из дома, судя по дневнику, происходили раз в месяц. Но тут, Василий доверял своему шестому чувству, совсем другая история. Некая настолько мистическая и таинственная, что он не решался пока и думать о ней. Отложил напоследок.

А эта бытовая, обычная, даже обывательская. Мещанская история-то. Операция “Хлебная выпечка” и то рангом выше стоит. Там хоть всё вокруг денег вертится, а тут просто с похотью связано. Правда, одно другого не лучше. Жажда злата да прелободейство — та еще сладкая парочка.

И мысли его вновь остановились на Петре Горячкине. Других кандидатур, сколько он ни перебирал в уме, не было. Во-первых, возник тот на горизонте опять же в обозначенный следствием период. Стал с тех пор часто бывать в их доме. Слов нет, гостем он был приятным, но что ж прежде-то игнорировал?

Во-вторых, старый школьный приятель Варвары. А юные годы чудесные, незабываемые. Может, тогда у них еще изначально чувства друг к другу проснулись. И первая любовь, как известно, не ржавеет. Ностальгия по прошлому порой так прихватит, что всё настоящее по боку.

Ну, и в-третьих, в разводе теперь Петя. Разбежались год назад. Сам о том весело и беззаботно говорил. Причем эта была не та, которая у них на свадьбе гуляла, а уже вторая. Или третья? Горячкин не уточнял. Сам, наверное, запутался в счете. Но теперь очередную спутницу жизни ищет.

А чем именно Варвара ему пара, чтобы сидеть у семейного самовара? “Вот, — усмешливо подумал Василий. — Даже в рифму сошлось. А стихи лгать не станут, материя тонкая, не проза жизни”. Не за тем ли Петр Авиэзерович и обозначился в их доме? Выскочил вдруг ниоткуда, как черт из табакерки. И всегда с цветами, с конфетами.

Ведь если разобраться, то лучше Вари ему и не найти. Женщина молодая, миловидная, за собой следит. Культурная, деловая. Чуть ли не с яслей знакомая и в быту проверенная. К тому ж компаньоны. Общие интересы, а теперь и совместные капиталы будут.

Это называется — слияние бизнеса, модернизация производства. Как насчет душ — не известно, но слияние дел и тел имеет практический смысл. Мамона в этой большой карточной игре бьет любовь.

Но, может быть, Варя о том не догадывается, а Петя просто искусный шулер? С козырями да тузами в рукаве. Жульничает, прижатый обстоятельствами, чтобы сорвать кон. Вот и обхаживает его супругу, обольщает. Партия-то завидная.

Ставка уж больно хлебная. Все Варварины булочные и пекарни можно прибрать, сами в руки просятся. Чего ж не взять то, что плохо лежит и сторожа рядом нет? Всегда так с гоями поступали. Потому что не человеки они, а ослы.

А потом, когда дельце выгорит, когда все на себя перепишет, не зазор и четвертую супругу поискать, следующую бизнесвумен. А эту — на улицу, к

Васе, пусть теперь вместе бомжуют. Или в колодец, головой вниз. Там видно будет. Чего с дураками церемониться.

Страшная картина вырисовывалась перед Соколкиным, абракадабрная, с грязными разводами и пятнами, в которых угадывались фантазмагорические лица и личины, словно рисовал ее безумный постмодернист. Глядя на нее, хотелось завьть волком в полнолуние. Взмыть в небо и улететь отсюда быстрым соколом, в синь ясную.

Но луны не было, светило ласковое июньское солнце. Да и Вася еще не стал оборотнем. Рядом прогуливались хорошие люди с добрыми лицами, цвели на клумбах пионы и настурции, продолжала торговать с лотка пирожками да пончиками милая девушка.

И он понемногу успокоился. Пошел и купил себе тоже кренделек.

Но, продолжая рассуждать на эту тему, преображаясь в скрытое и подлинное естество Петра Авиэзеровича, Василий Аверьянович чувствовал, как его вновь охватывает какая-то лихорадочная горячка от Горячкина. Действовать надо, спасти Варю, а не сидеть тут. Опасность ей грозит. Если всё так, как он понимает.

Не следить за ней по пунктам “А” и “Б”, не распутывать “Хлебную выпечку” и “Милого друга”, а увести от беды. Пока не поздно, пока еще есть время. Но как всё это объяснить Варваре? Как сбросить коварную пелену, которая ей глаза застит? А ведь еще неизвестно чего от “Доктора Фауста” ждать. Уж точно не добра.

9

Лишь вспомнил он об этих странных шепчущихся людях с безликими лицами, словно сползшими с того абракадабрного полотна, попрыгавшими из чертова холста в их реальную земную жизнь, так его уже не малярийная дрожь пробила, а остекленелость какая-то взяла. Все члены окаменели, руки поднять не может.

Ну точно, их-то авангардный художник и изобразил! В образе темных разводов и пятен. В виде испорченной амальгамы в кривом зеркале. В роли мечущегося, злобного и бесплотного духа мира сего. А иначе и не запечатлеть. Не поймать в фокус. Не схватить за шиворот и не дать по рогам.

Василий как-то раз и сам украдкой пытался их сфотографировать, издав лека, когда те шли в Сокольниках, обступив Варвару. Спрятался за деревом да и щелкнул несколько раз. И что же вышло? А ничего. Супруга на снимках есть, а их — нету. Только тени какие-то размытые. Одно слово — нечисть. Странно всё это, очень странно.

Не по законам физики тут всё, не по небесному уложению, а по подземному кодексу и тамошней конституции. Серой пахнет. Вот и сейчас будто где-то ее запах появился, оскверняя чистоту свежего воздуха и нарушая пасторальную буколку. А вот и черный пуделёк, предвестник Мефистофеля, откуда-то выскочил, подбежал к Васе, стал к ноге принюхиваться.

“Операция “Доктор Фауст” начинается”, — успел подумать Соколкин, всё еще не в силах пошевелиться. А люди эти, попрыгунчики да ползунки, уже тоже вдруг рядом обозначились. Сошли наконец с картины Босха. Начали приглядываться к нему: не раскрыл ли еще их тайну? Не пора ли и его — в колодец, вниз головой?

Материализовались, словом. И уже медленно двинулись к Васе, обступив норвят. А один из них, самый короткий и костистый, весь в ветоши и бородавках, дюже грозный и страшный, не иначе как предводитель их, немые указания дает. Пальцами у рта вертит, словно спецназовец в кино. Вылитый Вий. Только почему-то в бейсболке козырьком назад.

Несчастный фотограф сначала оробел сильно, бежать наострил, но окаменелость не пускала. Чудом каким-то сумел ее преодолеть, обратившись мысленно к Иисусовой молитве. Прочёл ее несколько раз. Потом с трудом поднял правую руку, сложил троеперстие и перекрестился.

Нечисть недовольно заворошилась, заскрипела зубами, залаяла, заклацала. Но таять начала. То лапы, то хвосты отваливаются и исчезают. А когда

он и на неё наложил крестное знамение, то и вовсе истлела на солнышке. С пузыристым пшиком. Быстро навьи чары развеялись.

Глядит: те же милые люди прогуливаются, старичок с палочкой ковыляет, две молодые мамы с колясками катят, девушка Варварины булки распродает. А рядом с ним на лавочке мальчишка какой-то сидит. Оборванец лет десяти. Худой, грязный, в ветхой куртяшке и замусоленной бейсболке задом наперед.

Вот кого он за Вия принял. А паренек с любопытством на него поглядывал и ногами беззаботно болтал. Славный такой пацанчик. С умной мордашкой, а главное — веселый и неунывающий в своих невзгодах. А действительно, чего горевать-то? Лето, солнце, можно пойти да искупаться в Оленьих прудах. Жизнь продолжается.

“Либо родители у него запоем пьют, либо вообще беспризорник, — подумалось Василию Аверьяновичу. — Жаль мальчишку. Смысленный, сразу ясно. Пропадет ведь ни за грош. Эх, медведи путные, не тем вы в царских палатах заняты, не видите в упор детей своих, будущее России. Но Божие дело не стоит на месте, оно и без вас всегда делается. Можете и дальше отдыхать на перинах да словоблудить. Справимся и сами, без уцербных совестью”.

Посидели они так некоторое время, поглядывая друг на друга, а потом паренек вдруг возьми и спроси:

— Ты кто, дядя?

Фотограф словно ждал этого вопроса, даже ответ заранее подготовил:

— Детектив Короткий.

— О! Здорово! — восхитился малец. — Вроде Пинкертон, значит. А не врешь?

— Нет, вот те крест! — и Соколкин снова перекрестился.

Мальчишка, конечно же, не истаял как прежний Вий, поскольку был из настоящей плоти и крови. И снова спросил:

— А тут следишь за кем или так, без дела маешься, время мотаешь?

— Секрет это, — важно отозвался Аверьяныч, подпуская туману. — Задание одно важное выполняю. А ты откуда про Пинкертон знаешь?

— Читал. Я какую книжку найду — сразу прочту, от корки до корки. Жаль только, что в некоторых страниц не хватает, вырваны. А то и вообще половина попадется. Хуже, когда конца нет. Но я сам додумываю. Сам конец сочиняю. А про Пинкертон целиком была. Это моя любимая книжка.

— А где ты их находишь?

— Да там! — махнул куда-то рукой. — На мусорной свалке. Где старье выбрасывают. Или здесь, на лавочках оставляют. Книжки всюду валяются, надо уметь искать, — добавил он тоже с важностью и со значением. — А детективы я люблю. А почему у тебя такая фамилия странная?

— Потому что я и сам ростом не вышел.

— Как и я, стал быть. Мне уже двенадцать, а больше десяти никто не дает. Обидно.

— Вырастешь еще, — ободрил его фотограф.

— Нет, вряд ли. Врач какой-то однажды осмотр делал, сказал — поддержка физического развития. Из-за неправильного питания. Недостаток витаминов. Калорий.

— Ты ешь больше.

— Смеешься, да? Много ли найдешь? Продукты — не книги, если и выбрасывают, то гниль всякую.

— И что, так и скитаешься по помойкам?

— А чего еще делать-то? — беспечно усмехнулся паренек.

У Василия Аверьяновича заньло где-то в груди, под сердцем. Мальчишка нравился ему всё больше и больше, но он не представлял, что сделать, предпринять, чтобы помочь ему.

— Тебя-то самого как звать?

— А Коля. Меня тут все знают, вся местная шантрапа. Я у них даже вроде предводителя. Это моё войско. Не веришь?

— Верю, верю. Кого ж еще в вожди выбирать, коли не самого начитанного? Ну а отчество есть?

— Зачем тебе?

— Ну как же! Чтобы со всем уважением. К генералу песчаных карьеров.

— Да я и сам не знаю! Нету его. И не нужно! — ответил с королевским взмахом руки маленький командир Сокольников. — И так проживем.

Но в голосе его чувствовалась застарелая горькая тоска и разочарование. И в васильковых глазах тоже эта мука и обида угадывались. На кого? Тайны тут особой нет. Расследовать да расспрашивать нечего, только лишнюю боль чинить, теревить рану. Конечно же, на родителей. Может, их и не было вовсе.

Быть-то они физиологически были, по законам природы. Но не по законам людским. Не по Божьим заповедям. А это всё равно что и нету, не было. Биоробот — не человек.

Родить может, а вырасти и воспитать — увольте. Душой своей поделиться с сыном не в состоянии. Потому как у самого ее нет. Пружинки и колёсики одни. Ну, шестерке ничего кроме шестеренок и не дано.

— Фамилия-то твоя как? — спросил еще на всякий случай Василий Аверьянович.

— Как, как! — нахохлился вдруг юнец. — Не скажу. Ты же детектив, еще запишешь и в ментовскую сообщишь. А мне неприятности. Выловят и опять в интернат отправят.

— Так ты беглый? — спросил фотограф, хотя сам уже давно догадался об этом.

Сказал так, словно Коля был крепостным и удрал от какого-то помещика-самодура. Но, впрочем, нынешняя жизнь в обществе такова, что кругом сплошь одни фабриканты, латифундисты, планктон офисный, чинуши, да стражники, лакеи и чернь с холопами. Самодурная жизнь-то. От такой и сбежать не грех.

— Ну! — коротко и с вызовом отозвался мальш.

— Ты меня не бойся. Я другой детектив, не мусорской. У меня не длинные руки, а короткие. Я тебя не трону.

— А я и не боюсь! Попробуй, тронь только.

— А из какого ты интерната? — дружелюбно поинтересовался Василий Аверьянович. И добавил: — Просто любопытно. Никому не скажу.

— Ну из тринадцатого, — нехотя ответил он. — Тут, за Сокольниками, на Малиноостровской.

— Ого! — настал черед изумиться фотографу. — А не заливаешь?

— Вот те крест! — точно так же откликнулся бездомный паренек, как прежде сам Соколкин. Самообучаемость хорошая, в норме. Правда, не перекрестился. Не умел еще, видно. Не было рядом человека, кто бы подсказал.

А ведь это номер того интерната, где прошло детство самого Василия. И местоположение то же. Удивительные, неожиданные встречи порой задумывает и назначает к исполнению судьба. Старого и малого. Двух отринутых и беспризорных. Словно свидание прошлого с настоящим. Такое в книжках про Пинкертона не найдешь.

Но и это было еще не всё. Не всё самое невероятное в этот день.

— Так как всё же твоя фамилия? — вновь повторил Василий Аверьянович. Боясь ошибиться, но уже угадывая.

— У нас в интернате всей безотцовщине птичьи фамилии дают, — сказал-пояснил мальчик. Но о том Васа и сам знал, потому что свою тоже точно так же получил.

А беспризорник не без гордости добавил:

— Меня вот Соколиком кличут. Наверное, в честь этого парка назвали. Коля Соколик я. Понял теперь?

Василий Аверьянович понял. И еще сильнее порадовался. Чему? Наверное, просто вот этой неожиданной встрече с мальчишкой, который напомнил ему себя в детстве. Что бы для него такого сделать полезного? Не возвращать же обратно в интернат. Снова сбежит. Вот до чего либералы демоклятые страну довели, почище большевичков будут.

А паренек вытащил из кармана мятую пачку сигарет, почиркал зажигалкой и пустил дым в его сторону. Вот этого фотограф уже стерпеть не мог. Хотя в детстве сам табачком баловался.

— А ну брось! — строго сказал он.

— Чего вдруг?

— Да вредно же.

— Кто сказал?

— Я. Тебе моего слова мало?

— А кто ты такой? Будет мне тут всякий указывать! Дефектив короткий.

Коля Соколик прямо на глазах превращался в нахохлившегося галчонка. Он соскочил с лавочки и вразвалочку направился к лотошнице, на ходу бросив:

— Пора мне, дядя. Не парься.

— Поймай, — позвал его Василий Аверьянович, но тот только рукой махнул.

А проходя мимо девушки с пирожками, чуть замедлил шаг, схватил с блюда сколько в руку уместилось и стремительно помчался прочь, сверкая кроссовками. Продащица даже ахнуть не успела. Лишь спустя пару секунд заголосила. А малышки и след простыл. Да и кто ловить будет?

— Не кричите вы так, — подошел к ней Вася. — Я оплачу. Это он пошутил просто. Со мной на спор.

— Сынок ваш? — успокоилась лотошница. — То-то, смотрю, похожи. Вы его получше воспитывайте. А то так до инфаркта довести может.

— Да ладно, всего-то три пирожка схватил. Вы уж извиняйте. Тут и я, конечно, виноват, вы правы.

— Ну, чего уж.

Расстались они лобезно. Василий Аверьянович даже для себя еще один пончик прикупил. И пошел по аллее в сторону Оленьих прудов. Он знал, где паренек может прятаться. Возле водоемов в глубине лесного массива был старый деревянный дом на снос. Там у него и лежбище. Самое удобное место.

Это полуразвалившееся строение, похожее то ли на барскую усадьбу, то ли на пожарную часть с каланчой, сохранялось в Сокольниках с незапамятных времен. Всё никак не сметут с глаз долой, из сердца вон. А может, не хотят. Сами в душе противятся, вот и не слишком усердствуют.

Ломают, ломают, но доломать не могут. Не выходит что-то. Останавливаются, прекращают работы, делают перерыв. И вроде как забывают о нем. На год-другой, а то и на десятилетия. Потом вновь за дело принимаются. Снова от стен треск стоит. А затем опять долгая пауза.

Что-то чудное было в этом доме, волшебное. Будто он сам никак не желал покидать Сокольники. Не выкорчёвывался. Его уже и поджигать пробовали. И сами рабочие, которым тоже надоело с ним из года в год маяться, и бомжи, засыпающие, как водится, с сигаретой во рту, и подростки, просто так, чтобы на пожар поглазеть, но...

Всё впустую. Гореть горел, но не выгорал. Огонь занимался, даже вроде бы и полыхал всюю, а потом вдруг прекращался. словно какой-то незримый дождь начинал лить и тушил пламя. Будто кто невидимый с ведрами вокруг бегал и тушил. На небе ни облачка, крутом сухо, а спички вдруг сырели. Странно это, загадочно.

В девяностые годы, когда пошел самый разгул всяческой экстрасенсорики и биоэнергетики, расцвет белой, черной и зеленой магии, сюда даже важные комиссии наезжали, пытались определить природу этого явления. Считали, что тут какая-то астральная дыра, выход в потусторонний мир, в иное измерение.

Но дыру эту так и не нашли. Отправлялись восвояси, не солоно щей нахлебавшись. Потом вовсе ездить перестали, плюнули. Гори оно, строение то есть, синим пламенем. Однако не горело. Не ломалось до конца, не разваливалось. А так в полузапущенном виде и существовало. Как приют для бездомных собак, кошек и беспризорников.

Василий почему об том столь хорошо знал? Да потому что сам в конце шестидесятих годов здесь часто укрывался, сбегая из интерната. Все закут-

ки в этой усадьбе были излазаны, все чердачные и подвальные помещения исхожены, вся пожарная каланча снизу доверху пройдена. Торчала она как шпиль в небо, будто собиралась его проткнуть. Похожая на купол церкви, только без креста.

И вот что еще любопытно. Дом этот было не так просто найти. Ну, то что его из картографической схемы Сокольников давно вычеркнули, об этом и говорить нечего. Но и знающим о его местоположении людям он не сразу в руки давался. Как заколдованный. Ведь не всё, что повычеркано на бумаге, сразу и из жизни испаряется.

Вроде бы чего тут трудного: отойди от Оленьих прудов налево с сотню метров, сверни на восток, углубись в ельник, перепрыгни через ручеек и — вот она, почерневшая и изъеденная временем и людьми усадьба с каланчой. Ан нет. Порой и поплутать приходилось. Постранствовать. Пока не обнаружишь, не откроется она тебе.

Ходишь, бродишь, всё выйти на старинный дом не можешь. Кажется, даже мелькнуло что-то за зарослями, пустая оконная рама или бревенчатая стена. Вон и карниз с резными узорами. Крыльцо деревянное с тремя ступеньками. Даже шпиль уже видишь. Лучи солнца на нем играют.

А рванешь к ним — и опять мимо цели проскочишь. Да еще и за корягу зацепишься, в овраг свалишься, крапива всё лицо и руки обожжет. Как в наказание за торопыжество. Вылезешь, отряхнешься, пойдешь с грехом пополам дальше и снова у водоема окажешься. Просто чудеса какие-то. Из русских сказок.

Но Соколкин всегда находил этот дом не то чтобы очень уж легко, а без долгого плутания и главное — без плутовства в душе. Может, потому-то и набредал на него быстро. И в те дальние времена, когда был просто Васей, и в наши окаянные дни, когда стал Василием Аверьяновичем.

Почему-то он на сто процентов был уверен, что и Коле Соколику Дом этот тоже “открывается” без излишних хлопот. Не могло иначе, потому что чувствовал какое-то духовное родство с ним. Представил себе даже, словно увидел вдруг внутренним зрением: сидит сейчас паренек там, внутри, возле развалившейся печки, ногами покачивает, пирожки доедает да поплевывает на дощатый пол.

Однако спешить детектив-фотограф не стал. Чего мальчишку пугать своим навязчивым преследованием? Еще подумает, что пришел его в контору уволочь за воровство с лотка. Нет, обождать надо. Чуть попозже придет, буд-то невзначай. Словно заглянул в гости, на огонек. Тогда и продолжим разговор. Тогда и решим вместе — как жить дальше?

А пока Василий неторопливо прогуливался, осмысливая по пути “Доктора Фауста”. Да не того, гётевского, а своего собственного изготовления, где вместо Маргариты — Варвара. Словом, распутывание клубка жениных тайн продолжалось. Детектив Короткий, как он уже сам стал себя не без удовольствия величать, брал верный след.

11

Оккультные секты, колдуны, ворожеи — сколько их развелось за последнее время! Одно перечисление заняло бы целую книгу. И многие ведь в православие рядятся. Магический камуфляж, и только. Они возвещают вероломство под предлогом веры, прикрываясь правдоподобием, уничтожают истину. Все эти “народные целители”, бабушки Любы и Серафимы.

Иконками и свечками обставляются, а под видом креста, перевернутого, конечно, или вращающегося, огненного, подсовывают людям нечто совершенно несообразное с Православием. Молитвы читают, нарочно искажая их смысл, или тайно про себя бесовские слова наговаривают. Порчу наводят.

А всё для того, чтобы к человеку, пришедшему по неразумию своему к ним за помощью, подселить демона, “куратора” (или Кураева с Охлобыстиным) всей его дальнейшей жизни. Вложить в большого, или в ученика своего, или в адепта новой секты код собственной пропащей души. Посвятить и его тоже в свое тайное ремесло.

Вспомним, как дьявол искушал и соблазнил Адама и Еву: “Съешьте плод и будете аки боги”. Вот они и называют себя то пророками, то апостолами, дескать, развиваем в себе божественные энергии, а то и, совсем ополоумев, вновьявленными воплощениями Христа и Девы Марии. Чёрен их мир, наполнен духами злобы. А Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы.

Ну как бесы могут пробудить в человеке что-то необычное? А на самом деле лишь ретранслируют через него свою сущность. Только развив в нем все смертные грехи: гордыню, жадность, сребролюбие, тщеславие, богохульство... Тут и пьянство, тоска, уныние, хохот беспричинный, когда тебе лишь Петросяна в ящике покажут, да и всё остальное вкупе.

Гипноз и зомбирование. В науке это называется — измененное состояние сознания, ИСС. Вот и Варвара к нему уже близка. Окручивают её и перекодируют эти люди-нелюди. Так думал Василий, продолжая потихоньку двигаться к Оленьим прудам. Приближаться к заветной усадьбе, прячущейся в лесной чаще. Давно он там не был, но не сомневался, что отыщет.

Техника работы с сознанием ушла далеко вперед. Тут тебе и галлюциногены разные, и психотропные вещества с так называемыми “молекулами мистики” — мескалином и псилоцибином, и нейролингвистическое программирование, и сам Кашпировский собственной персоной, как чертяка за левым плечом, маячит. Куда мир катится?

Вот уж поистине, когда вспомнишь, как говорил Марк Твен, что все мы сумасшедшие, странное в жизни исчезает, и всё отныне понятно. Таким “ясным” и становится теперь этот безумный мир. Искусственно сотворяется лжепророками. Но в нем жить не хочется. Нормальным людям.

Ведь эта мнимая ясность всех событий делает их еще более таинственными. “Получается как сон”, — подумал Вася. Когда всё видишь, но не ухватишь, расплывается. Можно пребывать в сновидении, но не надо превращаться в сновидение самому. Тогда уже не просудишься.

Василий Аверьянович много размышлял на эту тему в последние месяцы, когда Варвара прямо на глазах начала меняться. Когда ИСС этот в ней стал происходить. Искал ответов в богословских трудах, в святоотеческих писаниях. Украдкой даже в оккультные книжки супруги заглядывал, чтобы противника изучить. Словно знал, что придет время ее спасать. Сейчас вот и пришло.

Что, допустим, матронесса теософии Блаватская пишет в своей “Разоблаченной Изиде”? А так прямо и заявляет, что “магия — ведет к познанию триединства природы и человека, при помощи которых всеведение и всемогущество духа и власть над силами природы могут быть приобретены существом, находящимся еще в теле”. Но если “триединство”, то что третье-то? Сатана?

И еще одно ее откровение: “Адепт или маг способен властвовать над ощущениями других лиц и изменять условия существования тел физических и астральных (духовных), а также управлять стихийными духами”. То есть, на русский переводя, завоевывать власть над другими людьми, приобретать силу и могущество в обмен на ритуальное отдание души дьяволу. Как сделал это доктор Фауст.

Но эту магическую науку можно легко развенчать, если понимать иное. Вся видимая Вселенная имеет невидимый аналог, высшей плоскостью которого являются добрые люди и добрые духи. Низшие же плоскости, темные и дурные, представляют собой обиталище злых духов и демонов, во главе которых стоит падший ангел и десять его князей.

И с ними со всеми, безусловно, с помощью таинственных и секретных процессов церемониальной магии можно входить в контакт, получать от них помощь в своих делах. Даже отчасти, заключая фаустовские соглашения, управлять ими в земной жизни. Но уж после смерти своей колдун или его адепты сами служат этому злему духу навсегда.

Сначала всё Шамбалу ищут, шаманят, в транс впадают, изучают наследия эзотериков, постигают эниопсихологию, чтобы наладить обмен между духовными субстанциями внутри человека, а потом вечно на сковородах парят. Принимавши всю жизни желаемое за действительное. Был сновидением — стал привидением.

Вот уж поистине в прямом смысле исполняются слова апостола Павла, сказанные им почти две тысячи лет назад: “Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским... Негодных же и бабьих басен отвращайтесь”. И не надо, господа чародеи и экстрасенсы, обманывать, что вы служите доброму и богоугодному делу.

Вы и тогда и сейчас очарованно продолжаете служить одному лишь дьяволу. Ну и Мамоне тож. Одно без другого не ладится. А в Послании к Галатам ясно сказано, что волшебники, как и прелюбодеи, идолослужители, еретики и прочие, над золотом чахнувшие, “Царствия Божия не наследуют”. Задумайтесь, олигархи да власть предрекающие.

Вы уже и Россию делаете оккультной страной гадалок и звездочётов, мерзостных перед Господом. На каждые пятьсот жителей по одному колдуну приходится. Губите малые души. А по сути, превращаете их в бесхозное поле, с которого уже вывезли всё зерно. Весь чернозём даже. Хлеба больше не вырастить. Одни беспризорники и останутся.

Василий Аверьянович, приближаясь к Оленьим прудам, вспомнил вдруг древнюю легенду. В Антиохии жила некая девушка-христианка, Иустина. Может быть, похожая на Варвару в юности, еще до того, как та стала торговать своими первыми пирожками и изменилась. А Иустина с малых лет всю свою жизнь посвятила Иисусу Христу.

Но вот однажды встретил ее распутный юноша Аглаид (Вася таким никогда не был, сделал он мысленно сноску) и, разжигаемый плотской похотью, решил совратить девушку. Но все его старания ни к чему не приводили. Иустина хранила чистоту и верность одному Христу.

Тогда Аглаид обратился за помощью к известному чародею Киприану, который, по его же словам, общался накоротке с самим князем тьмы, вроде Лонго. Маг согласился. Плёвая, дескать, штука. Сама к тебе прибежит и будет искать твоей любви. Делов-то! Вызвал скоренько знакомого беса и велел ему распалить сердце Иустины страстью.

Чертяка пообещал это дело уладить быстро. Но как ни старался, к каким только дьявольским ухищрениям ни прибегал, ничего не выходило. Иустина молилась и отгоняла от себя все бесовские наваждения крестом. Удивленный Киприан послал к девушке другого потустороннего духа, еще более злобного и яростного. Но и тот бежал, посрамленный.

Тогда чародей вызвал самого князя тьмы. Тот явился к Иустине в образе ее подруги и стал искушать беседой, склонять к Аглаиду. Но девушка разгадала хитрый замысел и вновь осенила себя крестным знамением. И трепещущий князь тьмы также еле унес ноги. А оглоед остался ни с чем.

Пораженный Киприан задумался. Ведь выходит, что вся сила и коварство бесов против веры столь хрупкой и слабой девы ничего не значат. Так он пришел к святому Крещению, а после стал епископом в этом городе. И затем принял мученическую смерть за веру Христову вместе со святой девой Иустиной.

...Оленьи пруды лежали перед Василием чистой прозрачной гладью, словно покрывало, вышитое кувшинками и лилиями. Накинь кусочек этой лазурной ткани на плечи, как мантию, и иди дальше.

12

Он хорошо помнил, как надо идти. С сотню метров влево от Оленьих прудов, затем прямо на восток по еле различимой тропке (делать это лучше всего на рассвете, когда солнце всходит, тогда уж точно не заплутаешь), дальше углубиться в разлапистый ельник, продрасться сквозь него (и не свалиться при том в овраг), а там и ручеек зажурчит, услышишь. За ним — Дом.

Ждет тебя, если и ты еще ждешь чего-то. Но Василий всё медлил. Не давала ему покоя одна мысль. Он ведь не случайно, когда изучал свой дневник, рядом астрономический календарь положил. И сверял даты. В какие дни Варя ездила в свои “командировки”, и как вели себя в то время небесные светила. Главное, луна. И вот что выходило.

За прошедшие полгода необходимость в подобных отлучках у супруги возникала шесть раз. И всякий раз в полнолуние. Он бы никогда не обратил на это внимание, если бы не занялся расследованием. Да и сейчас, возможно, не придал бы этому обстоятельству большого значения, не будь в ней такой тяги к оккультизму и ворожбе.

И что получается? Почему она срывается из квартиры именно тогда, когда луна входит в полную фазу? Ну, если бы один-два раза — это еще можно было бы назвать случайностью. Но шесть — уже математическая закономерность. Не только странно, но страшно даже.

Не хотелось Васе думать о своей жене как о ведьме, но почти в каждой женщине есть что-то от гоголевской панночки. Либо волшебная красота, либо изощренное коварство, либо подспудное желание подчинить себе волю попавшегося под руку бурсака, оседлать его и проскакать со свистом над горами и равнинами.

Вот и в Варваре есть нечто этакое. Еще в первые годы их супружеской жизни подмечал. Может, потому и добилась успеха в своем бизнесе. Красивая, хитроумная, деловая, жесткая в конкурентной борьбе, циничная даже. Чем не ведьма? Не зря ее эти таинственные люди-нелюди и нашли. Или она их?

Тут уже не важно. Сошлись, словом, спелись. Разбудили друг в друге дремавшие потусторонние силы. И чем дольше Василий думал об этом, тем больше убеждался в своей правоте. Вот тебе и “Доктор Фауст”. Тут не салямскими ведьмами пахнет, а самим Бафометом. С ослиной мордой и козьими рогами.

Пару раз уже обошел расстроенный Василий Аверьянович Оленьи пруды, будто очерчивая шагами спасительный круг от нечистой силы. Но всё никак не мог подобрать слова, чтобы они зачлись в пользу Варвары. Да, конечно, русские женщины испокон веков прибегали к гаданиям и ворожбе, и многие не видели в том худого.

И на Сочельник башмачки бросали, и суженого в зеркале высматривали, и воск на блюде капали, чтобы узнать судьбу. Такова уж их внутренняя натура. Всегда будут коситься одним глазком в сторону волшебства. Но ведь это всего лишь милая забава, а не сделка с дьяволом. Хотя тоже можно далеко зайти.

Ну, а взять хотя бы Ярославу из великого “Слова”? С его страниц слышится чудный птичий гомон: тут соколы и кукушки, чайки и сойки, вороны и галки, соловьи и гоголи, дятлы и черняди, целое царство птичьё. А сама жена князя Игоря, конечно же, лебедь. Со своей тоской по любимому, чистосердечием и преданной заботливостью о супруге.

И она готова все стихии земли — солнце, ветер, воду — направить на спасение мужа, не останавливаясь даже перед волхованием. И все эти птицы — символы волшебства. Почему и как Ярослава, обернувшись зегзицей-кукушкой, вещей птицей, полетела из Путивля на Дунай? “На Дунаи Ярославнын глас слышит, зегзицею незнаема рано кычет...” Значит, владеет тайным чародейством?

А Игорь, благодаря колдовскому плачу жены, ее супружеским чарам, возвращается из плена, обретая разные лики. Скачет горностаем и белым гоголем, “бусым волком” по лугам Донца, взмывает соколом под облаками. Спасается по заговорам Ярославны. Она посылает ему на расстояние огромный заряд своей энергии, свое великое желание уберечь его, которое приводит в действие силы природы.

Но главное, передает ему силу своей любви, живой огонь верности и милосердия. И эти бесценные чувства столь велики, что немедленно доносятся ветрами и лучами солнца до истомленного пленника. Сами слова ее плача, словно заговоренные стрелы, вызывают в князе магические силы, дающие ему возможность бежать с феерией превращений.

— Эх, если бы Варвара была такой Ярославной, тогда, что ж, пусть волхует! — не сдержался, произнес вполголоса Василий.

Он словно представил себя на месте князя Игоря, вокруг — враждебные лица, люди-нелюди, а где-то далеко-далеко, сквозь сумрачный туман пробивается к нему лик жены. Но тут же опомнился, подумал про себя: “Нет, кол-

довства, может, и не надо, пусть просто любит так же. Я бы тогда тоже со-колом в небеса взмыл”.

Однако историческая реальность, в которую он вернулся, казалась почти такой же, как в “Повести временных лет”, лишь компьютеров поприбавилось. А человек всё тот же. В плену не у половцев, а у самого себя, у собственных язв. Которых еще больше стало. И самая зловонная из них — сатанинское желание овладеть душой другого человека, по заветам талмудического бога Адонаи.

Никак не хотелось уходить с Оленьих прудов. Василий Аверьянович будто чувствовал, что видит их в последний раз. Какая-то тяжесть и печаль лежали на сердце. Что-то нехорошее, скверное ждало его впереди. Витало вокруг него в воздухе таинственное, прикрывшееся тополиным пухом все-ленское зло.

Но еще не поздно было повернуть назад. Оставить всё как есть, бросить на полпути затеянное расследование, снять маску детектива Короткого, уйти домой. Бросить жребий и сделать выбор. Не перепрыгивать через ждущий тебя ручеек.

Вычеркнуть из памяти этого мальчишку, Колю Соколика, с его проблемами. Продолжать оставаться послушным камер-пажом при царице хлебов Варваре. Не обращать больше внимания на ее людей-нелюдей и Петю Горячкина. Позабывать и о “Хлебной выпечке”, и о “Милом друге”, и о “Докторе Фаусте”.

Но тогда уж никогда, знал он, не услышит в своей душе этот небесный зовущий глас: “Аксиос!” Даже не надейся на это. И где, собственно, его истинный дом? Не там ли, куда он сейчас шёл? И не оттого ли столь запутан к нему путь. Лишь достойный найдет свой дом и долгожданный уют в нем.

И Василий Аверьянович, распрощавшись с Оленьими прудами, двинулся на восток.

13

Мальчишка, как и предполагал фотодетектив, спал, свернувшись калачиком и натянув до носа какую-то дерюжку. Возле бывшей когда-то изразцовой, а ныне исколотой, но не сломленной печи. Однако, заслышав сквозь дрему скрипучие шаги, приученный, должно быть, к любым нападкам судьбы, тотчас дернулся и открыл глаза.

— А-а, это ты! — произнес он, успокоившись и сладко потягиваясь. — Чего пришел? Она мне сама за три пирожка должна. Я ей хлебовозку вчера разгружать помогал. И не доплатила. А что, к ментярам теперь потянешь?

— Да Бог с ней! И с пирогами этими, и со служивыми, — ответил Василий Аверьянович, не зная пока, что и как сказать. — Просто хотел еще раз повидать тебя. Мы же вроде как не договорили.

— Типа учительскую беседу со мной проводить будешь? Зря. Я на все эти разговорчики чхал.

— Ну и правильно, чихай дальше. Слова-то теперь действительно мало стоят. Но я тебе дельное хочу предложить.

— Подрезать что-то? Лопатник у дедушки? Это мы можем, это запросто. Какова только цена вопроса? Понял, дядя?

— Чего уж не понять. Не совсем ум короток. Да я ведь опять же о другом. Как бы тебе объяснить...

Не получалось покуда Василию четко сформулировать свои мысли. Прыгали они одна через другую, как малые дети в чехарде. Как их остановить и сказать прямо? Да и что? А Коля вдруг сам пришел к нему на помощь:

— Не мямли, детектив, так и доложи, что усыновить меня собрался. Только нет. Это мы уже проходили. Попал однажды в семью крутлых идиотов, всё сюсюкали, а потом я взял и удрал. Назад в интернат вернулся.

— Молодец, — похвалил старший. словно те “круглые” были сейчас его конкурентами в этом деле.

— А к нам даже американцы приезжали, — хвастливо продолжил младший. — Нас строем выставили, а они всё разглядывали, ощупывали. Выби-

рали, как кроликов. На меня глаз положили. Но я и от них сбежал. Свобода лучше.

— Да ты, значит, не Соколик, ты Колобок прямо.

Но Василий Аверьянович обрадовался, что ему не нужно говорить то, что высказал сам Коля. Хотя он и услышал ответ отрицательный. Но знакомство-то только начинается. Что там дальше будет... Сначала подружиться надо. Довериться.

— Эй, погоди. А как ты меня нашел? Кто тебе сказал, что я тут прячусь? — спросил паренек, почесывая затылок. — Об этом месте мало кто знает. Дом-то заколдованный.

— Как, и ты тоже о том знаешь? Верить, да? — пришел уже в полный восторг Соколкин.

Он ведь и сам всегда так думал. Еще с детства. Просто поразительно, как они похожи. И лицом, и ростом, и характером, и мыслями. Это о них Чехов сказал, что всё в таких людях должно быть прекрасно. А так оно и есть. Ну будто действительно отец с сыном.

А он всегда мечтал собственных детей иметь. Но Варвара, после первого горестного разрешения от родов, всё потом противилась. Фигуру портить, тяготы лишние, бизнесу помеха. И врачи не советовали. Но так ведь можно и одному остаться в конце жизни у разбитого корыта.

— Жду ответа, — напомнил Коля.

— Да я и сам тут в детстве всё время проводил, — признался Василий. — И из того же интерната сбежал, и укрывался здесь. Взрослые найти не могли.

— Иногда находят. Тут порой такое творится...

Парнишка замолчал, не продолжал больше, только рукой махнул. А Аверьяныч не стал допытывать. В нём вдруг какой-то педагогический талант проснулся. Макаренко ожил. Нельзя ребенка расспрашивать, если он говорить не хочет, в скорлупе затворяется. Это как саперная работа, разминировать нужно осторожно. А то всё на воздух взлетит.

Но представил, какие тут бомжи по ночам собираются. Словно лешие в глазах такого вот мальчика, хотя и он ко всему привычный. А может, наркотики это местечко себе облюбовали. Или воры свои сходки устраивают. Однако не знал еще, что дело-то куда как серьезнее...

— А я не понял, ты что — тоже из нашего интерната? — спросил мальчишка, высмаркиваясь двумя пальцами, по-казачьи.

— А то! Лучшие годы моей жизни там прошли, честно говорю. Это только сейчас осознал. Всё остальное — лишь приложение к ним. Ребенок, Коля, послушай меня, старого детектива, это самая цельная и безгрешная личность в развитии, потом идут одни сплошные подшитые к делу преступные обстоятельства.

— Умно больно. Но я понял, понял. Детство — хорошо. Мне тоже так кажется. Потому и не хочется взрослеть как-то. Насмотрелся я на вас.

И он теперь сплонул на пол. Залихватски так, сквозь зубы цыкнул. Достал свою мятую пачку, повертел в руках, но курить не стал, покосившись на зашедшего в гости Песталоцци.

— А пойдешь ко мне жить? — с надеждой спросил Василий Аверьянович. И быстро добавил: — Я не неволю, не понравится — обратно уйдешь. Сюда или опять в интернат. А дом этот еще сто лет простоит, на несколько поколений хватит. Всех примет, кому жить негде. И таким в России до окончания веков не перевестись.

— Не-а, не пойду, — ответил Коля. Потом, помолчав, пояснил: — У тебя жена — ведьма.

Соколкин, услышав это, столь поразился, что едва с колченогого стула не упал. Что за малец такой, словно все его мысли читать умеет?

— А ты откуда об этом... — начал было он, но тут же поправился: — Да никакая она не ведьма! Что несешь-то? Ну, малость особенная. Не как все. Работа замучила. Но это не беда. Тебя она не обидит. Слово даю.

Хотя, говоря это, Василий и не был в том уверен. Как еще Варвара себя поведет, если он в квартиру с беспризорником зайвится? Надо бы ее сперва

подготовить. Настроить к этому важному делу. Как клавишный инструмент, чтобы мелодия ласково зазвучала. Но отступать сейчас было уже поздно.

— То есть не сразу выгонит? — усмехнулся по-взрослому паренек. — Знаем мы таких. А не вытурит, так запилит досыта. Тебя вот, дядя, совсем заела, я же вижу. Да и не хозяин ты в своем доме, нет. Это я тоже чувствую. Так чего звать-то понапрасну?

Всё в его словах было правдой, но тут уж Соколкин повёл себя решительно. Сам от себя такого не ожидал.

— Зови меня Василием Аверьяновичем, — строго сказал он. — Какой я тебе “дядя”? Дяди на рынке арбузами торгуют. Или в конторах сидят. А я детектив Короткий, если уж на то пошло. Так что быстренько собирайся, и пошли.

Хотя что мальцу было собирать-то? Разве что окурки с пола. Он и взял один, самый большой. Да закурил, обдумывая предложение.

— Накормлю тебя как следует, помоешься в ванной, бельишко сменишь, фильм хороший на дивидишнике вместе посмотрим, — продолжил фотограф, не зная уж, чем оттаять непреклонное маленькое сердце Николая. — Давай-давай, скоренько, не задерживайся. Не пожалеешь.

— Фильмы я давно не смотрел, — произнес паренек, склоняясь под напором Василия Аверьяновича к положительному решению этого сложного вопроса.

— Ну вот! — возликовал тот. — А у меня целая коллекция старых отличных комедий. Не чета нынешним, преглупым. А гнать кто станет, — добавил он, — так вместе и удерем. От ведьм всяких и прочей нечисти.

И мальчишка наконец сдался.

— Пошли, — важно изрек он. — Поглядим, что там у тебя к чему.

14

По пути Василий Аверьянович времени даром не терял: работал экскурсоводом. Просвещал Колю о тех исторических местах в Сокольниках, мимо которых они проходили. Чувствовал, что пареньку это интересно. Тот слушал внимательно, часто переспрашивал. Ложились ему его слова на сердце.

И сам он так увлекся, что вообразил себя уже не детективом, а настоящим исследователем старины. Вот так за один день Соколкин сменил несколько профессий. Был фотографом, потом сыщиком, стал искусствоведом. И всё ему нравилось, все эти занятия. Ни от какого бы не отказался.

А по большому счету, одно без другого, а то без третьего не может существовать. Всё должно быть связано. Когда сумеешь соединить в своей работе эти три нити — тогда будет уже высший пилотаж. Ведь надо хорошо знать прошлое, чтобы отыскать в нем черты будущего и запечатлеть их в настоящем. Вот таким мастером своего дела Василий себя сейчас и ощущал.

Ему даже казалось, что он немного подрос. Вытянулся, распрямился. Обрёл стройность мыслей и дар речи, прогнав душевную немоту. И всё это благодаря Коле. Хотя, конечно же, и оставался с ним приблизительно одного роста. Шли они по Сокольникам как два приятеля-пацаненка, оживленно переговариваясь и уплетая мороженое.

И не в высоте макушки или в возрасте дело. Не в долготе светового дня, когда сердечный ум короток. Тогда всегда будешь блуждать, как в потемках. А нашелся наконец кто-то, пусть такой же маленький человечек, который его слушает и понимает. Не в пустое дупло в дубе говорит. Просто человек нашелся.

На подступах к дому, уже на Ширяевской улице, Василий стал рассказывать пареньку о любимом соколе Алексея Михайловича “Тишайшего”. Столь красочно описывал это предание, что едва сам крыльями не махал. Изображая поочередно и даже порой одновременно всех участников той легендарной охоты.

И царя-батюшку на вороном коне, и быстрого сокола Ширяя, и петляющую хитрую лисицу. Ему бы еще и в театре играть. Вон сколько зараз талантов пробудилось. Так они всю жизнь продремать могли, если тепло и сытно. Покой — это когда смерть твою душу нежит.

— ...А потом, из поднебесья, узрел наконец черно-бурую плутовку зорким оком. И стал на нее камнем падать. Но не рассчитал силу удара. Промахнулся и врезался в сырую матушку-землю. И разбился насмерть. Потому что безумно смелым был. А может, не хотел с позором к хозяину возвращаться.

Тут Василий Аверьянович сам очутился на земле, вернее, на асфальте, поскольку в своем почти костюмированном представлении не разглядел внизу какую-то колдобину. Зацепился за нее ногой и растянулся. Но продолжал говорить, завершая театр одного актера:

— Горе царя было безутешным. С тех пор и повелел называть это поле Ширяевым, в честь своего любимого сокола.

— А лисица? — спросил мальчик, помогая Василию Аверьяновичу встать на ноги.

— А что лисица?

— Она куда делась? Поймали ее потом? Наказали? Ведь это из-за нее Ширий погиб.

— О том история умалчивает. Лисиц, Коля, много, а такой доблестный сокол один. В памяти остаются не самые хитрые, а самые достойные.

Но, сказав так, Василий призадумался. Ему вдруг нарисовалась другая картина. Вот он, сокол, высматривает внизу жену — лисицу. Падает камнем и разбивается. А она Варварой оборачивается и хохочет. Как ведьма. Совсем что-то худое привиделось. Надо бы температуру померять.

— Сейчас придем, чай с медом выпьем, — сказал он. — А то меня знобит как-то. Мерещится ерунда всякая. Вот и еще одно привидение у подъезда маячит. Чур тебя!..

Но на этот раз ничего больше Соколкину не почудилось: перед домом нетерпеливо выхаживал Петя Горячкин, постукивая для форса резной тростью. Имел он подобную привычку — прикидываться на людях хромым и слабоумным. Малость болезненным, но аристократичным. К таким особам чувств больше.

Оттого носил очки в дорогой оправе с простыми, хотя и тонированными стеклами, самшитовую палочку с бронзовым набалдашником, шляпу “а ля Боярский” и курил ароматный табачок в трубке из вишневого дерева. И вообще выглядел очень модно, словно только что отклеился с глянцевого журнальной обложки.

15

— Васе — наше всё самое лучшее! — приветливо выкрикнул он издали. — А меня Варя просила заехать по делу, да сама всё задерживается. Что за чел с тобой?

— Это... — замаялся фотограф, не зная, что ответить, потому что не придумал пока никакой легенды. Но Петру было уже и не интересно:

— Ты в курсе, наверное, что в Москве в конце июня грядет международная конференция хлебопроизводителей и хлебопромышленников?

— Нет, откуда мне знать? Варвара ничего не говорила.

— Ну да, зачем тебе это. Так вот. Предстоит большая работа по подготовке. Мы с ней выбраны членами комиссии с российской стороны. Форум предстоит нешуточный. Будем общими усилиями кормить страну.

— Французскими булками да кошерными хлебцами? — не удержался, вполголоса связвил Василий.

Но Горячкин не расслышал, так был поглощен своими великими замыслами. Его вообще мало что волновало, не относящееся к собственным проектам.

— И решать совместно задачи будущего, чтобы создать единую зерновую организацию, вроде ОПЕК. Пора кончать с мелкими разрозненными товаропроизводителями, — продолжал он петь, как тетерев на току. — Кто как не мы, Вася? Хлеб требует полного и безусловного контроля. Отпирай скорее дверь, я в туалет хочу.

Впустив гостя в квартиру, Соколкин занялся созданием условий для чаепития, а притихшего мальчика усадил пока в кресло перед телевизором и включил DVD со своим любимым фильмом “Гусарская баллада”. Потом при-

шлось спускаться за Горячкиным воду, поскольку тот всегда забывал это сделать. А может, нарочно.

— Надо бы мне у Варвары запасной ключ попросить, чтобы не торчать лишний раз перед подъездом, — нахально заявил Петя. — Ты не будешь возражать против дубликата?

— Мне всё равно. Можешь хоть меня продублировать.

Ответив так, он вдруг решил, что пришла пора переговорить с “милым другом” серьезно. А тот, словно намеренно дразня его, кольнул:

— А что? Это неплохая идея. Меня ведь, Вася, ты уж извини, с Варей гораздо больше связывает, чем тебя с ней. И старая дружба, и общий бизнес. Да и планы на будущее. Грандиозные, скажу тебе, планы. Тебе не понять.

— Ну почему же? Я тоже долго размышлял над этой вашей “Хлебной выпечкой”.

— Вот как? — несколько озадачился гость. — А откуда ты узнал, что мы именно так и решили назвать наш новый с Варей “ООО”? Она тебе не могла сказать. Мы только документы готовим. Кто проболтался? Юрист?

— Сам допёр.

— Ну, ладно. Видно, недооценивал я тебя. Но так даже лучше. Тогда поговорим откровенно. И если ты такой уж умный, то пойми. “Хлебная выпечка” произведет фурор в Москве. А позже и по всей России. Это будет переворот в отрасли. Мы со временем, заручившись поддержкой этого международного конгресса, получив необходимые инвестиции, откроем новую сеть булочных и магазинов по всей столице и Подмоскovie.

— Хлебный ОПЕК вам поможет, не сомневаюсь. Особенно, если будете следовать его указаниям, — кивнул Вася. — Я вижу, куда ты клонишь. Вернее, все вы. Заменить исконно русский традиционный хлеб каким-нибудь генетически мутированным соевым и дрожжевым. Чтобы только брюхо себе набивали и ощущали видимость сытости.

— А чем плохо? Голодных не будет.

— Вот-вот, зато больные пойдут. Нет, Петя, не хлеб вы хотите контролировать, а именно голод. А у кого в руках нити управления голодом — тот и над миром властвует. Вот для чего ваш ОПЕК хлебный нужен. Скоро за воду приметесь.

Горячкин смотрел на него с большим интересом, не ожидал. И от кого всё это слышал? От ничтожного коротышки, на которого в прежние времена и внимания-то не обращал. Так, мешается что-то под ногами. Смотри как вырос!

— А булочные как назовете? — продолжил Соколкин. — “Заходи, милый друг”?

— Намек понял, — отозвался Петя. — Ты меня просто к Варваре ревнуешь. Но, между прочим, если бы не я, если бы я вновь сейчас не появился на ее горизонте — она бы уже непременно обанкротилась. Дела у нее шли из рук вон плохо. Это моя идея с “Хлебной выпечкой” и со всем остальным. Так что ты мне еще спасибо должен сказать. Вы бы теперь оба бомжевали.

— Не сомневаюсь, что через некоторое время так оно и произойдет. Когда ты во главе “ООО” встанешь.

Горячкин задумался. Надо было делать ответный ход, поскольку карты на стол были уже выложены.

— Вот что, — сказал наконец он. — Теперь я точно вижу, что ты, Вася, ей не пара. Ну, согласись, что ваша свадьба и вся дальнейшая семейная жизнь — были одной сплошной ошибкой. У вас даже детей нету. А Варю нужен совершенно другой мужчина. Энергичный, деятельный, проверенный во всех смыслах. Ты тоже намек понял?

— Вроде тебя, то есть?

— Допустим. Заметь, ты это сам сказал.

— А я, выходит, вам мешаю? Лишний. Не укладываюсь в хлебную выпечку. Тесто не то. Без изюминки. Лучше мне самому уйти. Так?

— Вот теперь ты говоришь совершенно разумно. Я рад даже.

— А уж как я рад, что мы объяснились. Но только, Петя, поглядим еще. Чья правда возьмет.

— Моя всегда дороже стоять будет. Это ведь рынок, Вася, дружок мой милый. Так что уходи-ка ты добровольно, подобиру-поздорову.

Они теперь уже не сидели за столом, а стояли напротив друг друга. Василий Петру едва до груди доставал. Но если бы вдруг сцепились, а Соколкину очень хотелось этого, то еще неизвестно, чья “правда” бы одолела. Ширяй камнем бы на этого лиса бросился, острые когти выпустив и долбя его своим железным клювом. Вспыхнула в нем вдруг справедливая злость и ярость.

Горячкин тоже почувствовал его внезапную силу, сразу растеряв весь свой форс и насмешливость. Отступил на шаг назад. Очки снял, трость в руки взял. Шляпу зачем-то надел. Затем трубку табаком начал набивать. Не знал, видно, чем еще заняться. Вяло огрызнулся:

— Любим мы друг друга.

Но слишком уж это театрально прозвучало. Наверное, в пьесе какой-то подглядел. Потому Вася и сказал коротко:

— Врешь ты. Не верю.

Тоже как Станиславский. А позади них вдруг раздался голос мальчика, который давно уже стоял в коридоре и подслушивал:

— Вот так компот! Вы чего, драться надумали? Давайте сначала чай по-пьем. А после стреляться будете.

Горячкин с недоумением посмотрел на него, словно впервые увидел. И вновь спросил:

— Что за чел-то у тебя тут завелся?

Василий, отрезвев от вспышки ярости, ответил:

— А это родня моя.

И добавил, после паузы, с важной гордостью:

— Соколиная.

16

Теперь он уже ждал, не мог дождаться, когда Горячкин уйдет. Вроде бы всё выяснили. А тот снова шляпу боярскую снял, затеялся чай пить. Ничем человека не прошибешь! Тростью его, что ли, в самом деле, по башке объехать? Может, вразумится тогда, будет знать, как в чужую семью вползать.

А тут и Варвара пришла. Василий с Петром даже обрадовались, словно третейский судья явился. Сейчас разрешит их спор. С укороченным составом присяжных, в лице мальчика. Приготовились наперебой излагать суть дела.

Но Варе было не до них. Что-то у нее, судя по всему, приключилось. Еще с порога бизнес-леди бросила:

— Извини, Горячкин, что опоздала, но ты мне сейчас не нужен. Вечером позвоню. Возможно, придется вместе из Москвы отъехать. На пару суток.

— По проблемам форума, Варенька? — заискивающе спросил Петр. — По нашим хлебным делам? Рыночным?

— И да, и нет. Так что проваливай пока.

Несмотря на резкость тона (а она всегда так разговаривала, и со всеми), Горячкин победоносно свысока поглядел на Соколкина. Дескать, что я тебе говорил? Невидимая рука рынка всё управит, даже любовь. В каждом треугольнике углы справит и превратит его в овал. В ноль то есть.

Он еще некоторое время покрасовался перед Василием, но, натолкнувшись на твердый и непреклонный взгляд Варвары, торопливо вновь напялил свою идиотскую шляпу. Лучше бы уж без нее ходил, морока одна. И потянулся к хозяйке в щеку чмокнуть. Но та уклонилась и толчком бесцеремонно погнала Петю прочь.

— Так. Это кто? — спросила она, указывая на паренька, когда за первым гостем захлопнулась дверь.

— А это... — снова замылся муж, растеряв в сваре с Горячкиным весь предыдущий пыл. — Как тебе сказать?

— Ладно. Потом. Налей-ка и мне чаю. Ты, Васенька, должно быть, уже понял, что сегодня я очень занята. И потому со всеми своими глупостями отстань. А еще лучше — тоже сходи погулять. С мальчиком.

— Но, Варя...

— Потом, я сказала. Ко мне вот-вот люди должны прийти.

Варвара нахмурилась. Это не предвещало ничего хорошего. Однако Василий продолжил:

— Это, Варя, не простой мальчик.

— Золотой, что ли?

Супруга пила чай и даже не глядела на Колю. А тот с нее глаз не спускал. Словно вдруг вспомнил что-то. Но вёл себя тихо.

— Может, и золотой. Только те унции иным мерить. Не долларами. Пойми же наконец тоже. И не каждая шляпа с тростью блестит.

— Брось говорить загадками. Где ты его подобрал?

— На помойке, — ответил сам паренек.

Варя удостоила его взглядом. Улыбнулась вдруг.

— Вот оба на нее обратно и отправляйтесь. Мне некогда. Позже разберемся.

— Нет, давай сейчас, — обрел твердость в голосе Василий.

— Да что вам от меня надо-то? Не порти мне настроение. Я еще собраться должна. В командировку еду.

— Куда?

— Ну тебе-то что за дело? На Кудыкину гору в село Дудыкино. Филиал у меня там.

— Нет такого. Всё это фикция. И конгресс ваш хлебный — одно сплошное вранье. Вы и сами себя обманываете, и простых людей. Потребителей, как принято теперь говорить. Дурите их красивыми обертками, а внутри — шпик. Голод вам нужен. Тогда и денежки рекой потекут. А когда поток этот иссякнет, речным песком кормить будете.

Удивление в глаза Варвары сменилось заинтересованностью. Никогда она прежде таких речей от мужа не слышала. Поражена была, наверное, не меньше Пети Горячина.

— Ну-ну, продолжай, — сказала она. — А хочешь, я тебе и документы форума покажу?

— Зачем?

— Это реальность жизни. От нее никуда не денешься. Прогресс в хлебной выпечке не остановить.

— От такой реальности бежать надо. Туда, где еще знают, что такое настоящий хлеб. Без всяких ваших мутагенных добавок.

— От цивилизации бежать, Вася?

— Прежде всего — ото лжи. Она-то и превратит скоро нас всех в мутантов. В ящериц. Для которых сбросить свой хвост — плёвое дело, новый вырастит. Только тут душой пожертвовать придется. А другой уже не будет.

— Так-так. Тебя подменил кто? Что-то я тебя узнавать перестала. Мне, что ли, на вашу помойку сходить, может, и я дурных мыслей наберусь?

— Нет, Варя, я прежний. Только тоже кожу старую продублённую сбросил, вместе с этой вашей “реальностью жизни”. Видеть теперь стал лучше и дальше. А конгресс ваш, конечно же, состоится. И ему самое место не на Кудыкиной, а на Лысой горе. Возле села Бесяево. Или Чертыкино.

— Чего-чего?

— Я ведь знаю, почему ты именно сегодня в “командировку” собралась. И какие “люди” к тебе прийти должны. Давно тут тихой сапой ходят. Сети плетут.

— Ну, говори дальше. А я и сама не скрываю. Это отец Серафим и матушка Серафимка со своими присными. Божьи люди.

— Ой ли? Ты сама-то веришь в это? У тебя ведь теперь как в том фильме — широко закрытые глаза. Как только они появились в твоей жизни, так ты и стала меняться в худшую сторону. А сегодня опять день особый.

— Какой же? — насторожилась супруга. — Праздник святого Витта?

— Полнолуние, Варя, — ответил муж. И добавил: — Там и пляски его будут.

Тут уж Варвара не сразу, но рассмеялась. Хотя смех этот был искусственным, не добрым. Она просто не знала, что сказать на его слова. А Василий продолжил:

— Я ведь веду свое расследование, как и обещал утром. Да ты сама меня на это подвигла. Так что не обижайся. Но оно еще не закончено, подождать придется.

— Да, надо признать, быстро ты за дело взялся, и ловко как, — нашла, наконец, жена. — А я думала — шутишь. Видно, и впрямь стал детективом. Только не там копаешь. Я тебе, Васенька, не по зубам.

— А это мы поглядим.

И он повторил, как полчаса назад Горячкину:

— Чья правда возьмет. А ты подумай над моими словами.

Варя вновь с ответом не спешила, сидела какая-то растерянная, но и сосредоточенная в то же время, будто прислушивалась к чему-то. К кому-то за стенкой или к своему внутреннему голосу. Пусты были ее глаза.

Васе даже жаль стало супругу. Больно было смотреть, как она мучится. Ведь видно же... Родной все же человек, близкий, не чужой. Столько счастливых лет рядышком прожили! И в горе, когда при кесаревом сечении младенец умер, и в радости, когда домашний очаг вместе возжигали.

Можно сказать: хлеб пополам делили. А что? Правильное это выражение. Хоть и затёртое. Означает — доверие и любовь. Только на этом семья и держится, да и все основное в жизни. Поэтому, как ни крути, а без них, что вроде закваски в настоящей хлебной выпечке — ни до порога. Как без Бога.

А мальчик вдруг встал и тронул его за рукав. Промолвил по-взрослому:

— Пойдем, Василий Аверьянович, отсюда, делать тут больше нечего, а я тебе кое-что сказать хочу.

Соколкин и Соколик направились к двери.

— Идите, идите! — крикнула им вслед хозяйка хлебной горы. — Мальчик-то умнее тебя оказался! И можете не возвращаться!

А на улице, пройдя несколько шагов, Коля неожиданно произнес:

— А ведь я ее узнал.

17

Тут же им навстречу попались те, кого с таким нетерпением ждала Варвара. Василий даже не понял сперва, что сказал мальчик. Кого “узнал”, где раньше видел? Настолько он был поглощен зрелищем двигающейся, словно на шарнирах или на конвейере, процессии. Забавная нарисовалась картина, хотя и тревожная. Будто холодом из могильного склепа подуло.

Как плоские тени шли, в темном и сером, несмотря на припекавшее солнце. Человек пять-шесть. А то и семь-восемь. Как-то не счесть, поскольку все одинаковые, безликие, безъязычные, безглазые даже. То сольются в общий комок, то раздвоятся. Поди, сосчитай! Да и охоты нет.

А впереди двое все-таки выделялись от остальных. Не такие, конечно, фарсовые и фартовые, как Петя Горячкин, но тоже важные, цену себе знают. Вася и прежде их отмечал, как основных игроков в этой околофутбольной команде. Как теперь понял, когда Варя назвала их имена-клички — отец Серафим и матушка Серафимка. И оба с палками.

Опять же, не как у хлебного баронета, а поувесистей, поплосше, с сучками и занозами, вроде даже с обрубками корней на концах. Словно сами пни сдвинулись вдруг из лесной чащи и пошли в город. И на головах не горячкинские шляпы, а какие-то панамки-ермолки. Нет, не Божьи люди. Леший с кикиморой, да и вся их болотная свита.

Процессия прошелестела, просквозила мимо Василия и Коли, даже не взглянув на них. А Соколкин стал припоминать: где он мог уже слышать об этих Серафиме и Серафимке? Кто-то говорил или сам прочёл. Надо обязательно вспомнить. Это очень важно. Что за Серафимы такие в перьях объявились, крыльями своими черными перед Варварой машут, свет в глазах застят?

— Ты что-то сказал? — обратился он к мальчику.

— Да знакомые морды! Видел я их тоже.

— А где?

— В Караганде.

— Ты серьезно отвечай. И не осли, шутка-то старая. Это так мы в мои годы в нашем с тобой интернате на вопросы воспитателей отвечали.

— Да неважно — где! Зачем тебе?

— Мне знать нужно. Я же детектив. Хочу их на чистую воду вывести.

— Ну, тут, в Сокольниках, — неохотно отозвался Коля. — Шляются. Сборища свои устраивают. Пацанов наших прикармливают. Только потом у них на следующий день у всех тыква треснит.

— И что они дают, какую пиццу? — Василий сильно заинтересовался этим фактом.

— Какую... Всякую. Чаще всего хлебцы хрустящие. Наверде чипсов, только сладкие. А еще витамины.

— В таблетках?

— Когда и в порошках. Или сиропом угощают. Говорят: для здоровья, это целебная микстура. На травах и ягодах. Ребятам нравится, вкусно... Даже в интернат приходили. Много раз. Директриса с ними заодно.

— А ты тоже ел и пил?

— Я из чужих рук не хаваю, — важно и горделиво ответил Соколик. — Я всё сам беру, если что надо.

— Это верно. Только много не бери, лишнее впрок не пойдет. И предварительно разрешение спрашивай, может, это “что-то” другому больше тебя нужно. А насчет “чужих рук” всё правильно. Вдруг немые?

— Отрубим тогда, — грозно усмехнулся мальш.

Но Коля явно что-то недоговаривал. Может, боялся их? Не похоже. Паренек смелый. И независимостью своею больше всего дорожит.

— Так как себя твои приятели после этих хлебцев и микстур чувствуют? — продолжил свои расспросы Василий, выбираясь нюхом на верный лисий след.

— Ну, как... Дурные становятся. Веселые. Счастливые даже. Всё по колону. Башкой утром помаются, а после опять к этим уродам тянет.

“Что-то психотропное или галлюциногенное в чипсы и сироп добавляют, — подумал детектив. — Чтобы развить зависимость. По сути, те же наркотики. Только зачем? Какой им прок от мальцов? Ну, с Варей — понятно. Прибрать к рукам всё ее хозяйство. А тут? Смену готовят?”

Он шел, обдумывая разные версии, а мальчик вдруг произнес:

— А я ведь про них и еще кое-что знаю.

— Выкладывай.

— Нет уж, дудки! И так много сказал, пацанам вред будет. А я не хочу.

— С чего ты взял?

— Ну-у... Ты вот под этих мухоморов копаешь, а пострадают ребята. Еще в пеиухушку отправят. Ваше интернат прикроют.

— Да не будет им ничего! Тут надо корень вырвать.

— Нет, — твердо повторил мальчик. И добавил: — Правильно твоя кастрюля сказала: не по зубам тебе это всё.

— Во-первых, никакая она не кастрюля, — с обидой возразил Василий. — А Варвара Николаевна. Привыкай, еще жить всем вместе. А во-вторых, у меня не зубы, а клюв. Железный. Так что раздолбаю враз. Ты только сам мне помоги. Мне именно такой помощник и нужен.

— Вроде Ватсона? Вообще-то, мне это дело нравится.

— Ну вот и поработаем вместе!

Коля всё еще колебался, идя рядышком.

— С тобой, дядя Вася, хорошо, но без тебя лучше, — сказал, наконец, он. — Проблем меньше. Хотя и интересно.

— Ну вот! Сделай правильный выбор. Достойный полета сокола. Не ошибись. Аксиос.

И мальчик решил, словно сам услышал внутри себя это незнакомое горнее слово.

— Ладно, поглядим. Считаю, что я с тобой.

— Вот и славно! — обрадовался старший из двух соколов. — Теперь мы горы свернем. А пока давай где-нибудь как следует перекусим. Не возража-

ешь? Хотя нет. Сначала шикарно приоденемся. А то нас в самый лучший ресторан не пустят. Гулять так гулять!

У Василия в кармане лежала банковская карточка с его последними сбережениями. Немного, но на новую обувь, одежду и на разную вкуснятину как раз хватит. Да еще на аттракционы в Сокольниках останется. А там видно будет.

— Не возражаю, — весело отозвался Коля. — Из твоих рук приму, они чистые, сразу видно.

А пока шли к дорогим бутикам, Василий Аверьянович вдруг вспомнил, где он уже читал об этих “крылатых Серафимах”. Да в своей же растреклятой газете! Там любил подобными “пророками” страницы забивать. Из номера в номер всякую бесовщину печатали, на том и держались.

Вспомнил даже, как статья называлась одной безбашенной журналочки, которая пела им осанну. “Хлебная секта. Или новая религия?”. Теперь понятно, почему их к Варваре как магнитом потянуло. А ее к ним.

18

Василий Аверьянович обладал одним редким качеством, присущим только профессиональным фотографам. Или действительно классным сыщикам, подобно Шерлоку Холмсу, который всерьез спрашивал у доктора Ватсона: действительно ли Земля круглая? Но зато давал сто очков вперед в определении гарнитуры шрифта лондонских газет или свойствах пепла от вирджинских сигар.

Соколкин тоже не интересовался тем, что не имело непосредственного отношения к его делу. Оставлял в голове место лишь для самого необходимого. Не пичкал свой мозг разным журнальным фастфудом или жареным картофелем из телепекарни. Не жаждал нынешней книжной отравы, изготовленной по зарубежным рецептам и лекалам.

Равнодушно проходил мимо спортивных праздников и футбольных поединков, когда весь остальной мир сходил с ума от африканских вувузел. Снисходительно, как к юродству, относился к говорильне в Думе и очередному ежегодному Посланию Президента Российской Федерации к фессало-никийцам. Брезгливо проглядывал живые газеты и не слушал радио. С отворачиванием смотрел на телеведущих и даже не понимал — что они несут?

Более того. Мог совершенно не знать, где находится Гондурас и что такое ипотека. Мог также не любить астрономию и не ведать, что там вокруг чего вращается. Мог выбросить из головы все лишние школьно-университетские знания, как ненужный хлам. Или, по крайней мере, задвинуть их подальше в извилистые коридоры полушарий, словно в чулан или на антресоли.

Но память его была именно фотографической. Если он что и забывал, то стоило ему вызвать перед глазами фрагмент кадра или строчку, абзац, заголовок статьи, как постепенно всё прояснялось, восстанавливалось в уме. Весь снимок, вся фотосессия, всё главное в прочитанном давно тексте. Подобно тому, как под воздействием химических реактивов в ванночке проявляется на бумаге запечатленный миг.

Вот и сейчас Василий вспомнил всю суть того прошлогоднего репортажа о “Хлебной секте” отца Серафима и матушки Серафимки. И пока элегантная консультант-менеджер водила их с Колей по платяному и обувному пассажи, с уклоном в сторону итальянской высокой моды, он скрупулёзно восстанавливал в памяти статью журнальной путаны.

Но прежде всего он небрежно, хрустя в руках свежими, только что из банкомата зелеными фантиками, сказал этой модельной продавщице:

— Подберите на нас двоих что-нибудь... ну... как на английских принцев Гарри и Уильяма. Чтобы с ног до головы. Роста мы, как видите, одинакового. Но чтобы, тем не менее, отличались. Ясно?

— Предельно. Будет исполнено в самом лучшем виде, — плакатно улыбнулась девушка и повела в свои закрома.

Даже не удивилась, что мальчик выглядит как оборванец, а его отец странный какой-то. Но раз есть деньги, то всё в порядке. Их этому специ-

ально учат: не проявлять никаких иных эмоций, кроме собачьей радости при запахе баксов.

И примерка началась, закрутилась. Длилось всё это не менее часа. Василий Аверьянович целиком положился на вкус и опыт специалиста (зря, что ли, она тут зарплату получает, не только же за красивые ноги и обаяние?), хотя и предупредил, что предпочитает классический стиль, без ярких расцветок.

— Винтажный раритетный, — подсказала девушка. — А сын?

— А я спортивный, рокерский, — ответил Коля, не возражая против узаконенного в бутике родства.

В дальнейшем детектив, погруженный в собственные мысли, лишь односложно отвечал или отрицательно качал головой на предлагаемые изделия и аксессуары, а мальчик, захваченный миром эксклюзивного изыска, бегал по магазину и тыкал пальцами то в одно, то в другое. Призванный на помощь еще один консультант по одежде для тинэйджеров едва поспевал за ним.

В конце концов, Соколкин остановил свой выбор на легком и свободном льняном костюме-тройке стального цвета, однотонной сорочке из жатого хлопка, узком светлом галстуке и замшевых полуботинках. Прихватил еще и бежевый плащ, на случай непогоды. Вечером обещали дождь.

Коля предпочел коричневые вельветовые джинсы, просторную футболку, крокодиловые мокасины, новую бейсболку и кожаную куртку с множеством карманов. Василий от головного убора отказался, чтобы не уподобляться Пете Горячкину. Старые вещи сложили в большой пластиковый пакет и оставили здесь же. Кому надо — уберет.

Поблагодарив и расплатившись с обслуживанием, сопровождаемые одобрительными и даже восхищенными взглядами персонала, они вышли из пассажа, подобно брутальным героям голливудских фильмов. Ну и пусть рост не велик. Том Круз тоже маленький, меньше этажерки. Зато как смотрится! Вот и они сейчас оба выглядели на пять с плюсом.

— Ты супер, — оценил старшего младший.

— Ты тоже, хоть сейчас на “харлей” сажай, — ответил тот. — Пошли ужинать. Какую кухню предпочитаешь? Экзотику?

— Я никогда ничего японского не ел.

— Желание выполнимо. Да вот кстати и суши-бар. Заходим.

Здесь Василий Аверьянович вновь доверился вежливому официанту в кимоно, поскольку мысли его по-прежнему были направлены в сторону “Хлебной секты”. Да он и не особенно разбирался в восточной специфике. А палочками, как и Коля, вообще есть не умел. Но тут можно было и руками. Для того и принесли влажные, свернутые в тугую трубочку полотенца.

На низкий столик выставили чаши с супом мисо, блюда с роллами и сасими; моллюски, морские водоросли, комочки риса с карри, икру летучей рыбы, креветки, кусочки кальмара и осьминога, копченого угля и прочую океанскую снедь. Запивали зеленым чаем. Для себя Соколкин заказал еще немного sake. А когда неторопливо насытились, настроение поднялось еще больше.

— Ну, классно! — признался Коля, когда они покинули гостеприимное заведение.

— А мне как-то не очень, — отозвался Василий Аверьянович. — Борщ со сметаной был бы краше.

— Дело вкуса. Куда теперь?

Детектив остановился посреди тротуара, подумал немного и решительно произнес:

— В интернат.

Коля не тронулся с места и весь как-то напрягся, словно ёжик. Того и гляди уколет, если руку протянешь. А уж погладить и вовсе не смей.

— Не пойду! — сердито сказал он.

— Да ты не понял. Я же тебя не сдавать на поводке веду, — пояснил Василий Аверьянович. — Ты у ворот можешь постоять. Так даже лучше будет.

— А зачем тебе туда надо?

— Ну-у... Хочу вспомнить. Старое. А если честно, надо с твоей директрисой потолковать.

— Обо мне?

— Вот ведь упёртый какой! О себе. О нашем теперь общем расследовании. А оно мимо интерната не лежит. Краешком и его касается. Ты же мне помогать обещал, вспомни.

Нет, не просто было его сдвинуть с места. Трактор с арканом нужен.

— Ну чего встал-то как засватанный? Походню потерял?

— Ладно, пошли, — сказал, наконец, мальчик. — Только давай начистоту.

— Согласен. Но сначала ты мне расскажешь всё, что еще знаешь об этих “хлебных людях”. А потом я тебе на твои вопросы отвечу.

Коля кивнул и начал говорить.

— Правильно сказал — хлебные. У них даже знак такой есть. Краюшка булки внутри треугольника. Перевернутого вверх ногами. Они нам в интернате показывали, когда приходили по воскресеньям. И значки такие же раздавали. Даже гимн какой-то дурной пели, что-то вроде: “Славься, Хлеб!”, или “Хлебный Спас, слава тебе!”, я не запомнил. Смех один.

— Ну, в том, в общем-то, ничего плохого нет, если только за этим не стоит что-то иное — отозвался Василий. — Уважительное отношение к хлебу было у всех народов мира, всегда и во все времена. А на Руси особенно. Но на хлебных крошках и гадать могли. Даже ворожкой занимались.

— Как это? — удивился мальчик.

— Точно не знаю, но хлеб, в основном корки и крошки, колдуны и ведьмы умели заговаривать, а через него насыпать на других людей порчу. Вплоть до утраты памяти, здоровья, а то и до самой смерти. Сейчас-то время иное и технологии другие, современные, но вред злаками умеючи принести также можно. Через те же чипсы, которые вам скармливали. Чародеи на земле еще не перевелись.

— Да будто бы? Заливаешь.

— А вот послушай. Давно это было. Жили в Муроме князь Петр и простая крестьянка, звали ее Феврония. Князь однажды скушал что-то и заболел.

— Сиропчика от этих “хлебных людей” отведал, — подсказал Коля.

— Может быть. Они и тогда по Руси ходили, лазейки к душам искали... Тело князя покрылось язвами и коростой, — продолжал Василий Аверьянович. — Ничего не помогало. И вот как-то раз на охоте сказали ему, что тут рядом в деревне живет некая девушка. А о ней уже слухи шли, что она исцелять умеет от любых болезней. И умом славилась.

— Красивая?

— Ну а как же. Обратился князь к ней с просьбой через слугу, чтобы помогла ему излечиться. “Хорошо, — велела передать она. — Только он должен потом взять меня в жены”.

— Губа не дура, — оценил мальчик.

— Князь решил схитрить и для видимости согласился. Куда денешься, когда болезнь припрет? Ни один знахарь не мог помочь. Но они пока еще так и не видели друг друга, всё через слугу общались.

— Лучше бы через интернет. Посредников меньше.

— Феврония велела вести князя в баню, чтобы омыть тело водой. А туда выслала ковшик с хлебной закваской.

— Зачем?

— Чтобы помазать его этим чудодейственным средством. Вот тебе и цена хлеба. Но это так, к слову. А потом произошло следующее. Князь Петр исполнил всё, что повелела девушка. Струнья и короста с тела сошли, и он выздоровел. Но решил откупиться от Февронии дорогими подарками.

— Умно поступил.

— Давай-ка без комментариев тут. Он послал ей драгоценные камни, ожерелья из жемчуга, золотые браслеты. Но Феврония даже не взглянула на них. Велела вернуть обратно и добавила: “Не по правде поступает князь, но

есть над нами Тот, кто всё видит”. А через некоторое время Петр вновь заболел. Опять по телу язвы пошли. И еще хуже прежних.

Мальчик теперь слушал молча. До интерната было еще долго идти. Василий сначала хотел такси взять, но прогулка по Сокольникам всегда лучше. Дорогого стоит. Когда вот так просто идешь и беседуешь с близким тебе человеком. Уже близким.

— ...Князь понял тогда, что это Божие наказание за его отказ жениться на девушке низкого происхождения. Ходить он уже не мог, но приказал нести его к Февронии. Вновь принял целебную баню с хлебной закваской. И вышел своими ногами, в чистых белых одеждах, а навстречу ему — статная дева, с длинной русой косой и ласковыми, любящими глазами.

— Мама моя такая была, — сказал вдруг Коля, останавливаясь. — Она умерла, когда я только родился, но мне её фотографию показывали. Подарили даже. Украли ее потом.

— А отец где? — осторожно спросил Василий.

— Тоже на машине разбился. Они вместе ехали... Ладно, продолжай уж! — махнул он рукой. — Чего сейчас вспоминать.

— Вспоминать всегда надо. Они тебя и сейчас оберегают.

Некоторое время шли молча и задумчиво. Соколкин чувствовал, что Коля всю эту историю про своих погибших в автокатастрофе родителей сочинил. И про похищенную фотографию. Не было ее никогда. И тех тоже не было. Мираж. Тени. И доживают они сейчас свой короткий непутёвый век в мире теней, в труппах.

Знал это наверняка, потому что и сам в своем интернатском детстве точно такую же легенду придумал. Даже про фотографию точь-в-точь говорил, когда приставали с расспросами, что ее кто-то украл. А что еще отвечать, если лишь эта ложь и грела душу? Да и не ложь это вовсе, а мечта.

Но надо было завершать повесть о Петре и Февронии.

— Они полюбили друг друга, а вскоре и обвенчались. На свадьбе гуляло всё Муромское княжество. Даже Петю Горячкина пригласили.

— Кого-кого?

— Ну этого, в фетровой шляпе, которого ты у нас дома видел. Поцапались с кем.

— А-а... Этот всюду пролезет. А дальше?

— Бояре невзлюбили молодую жену князя. Стали ее оговаривать. А основной упор делали на том, что она с помощью колдовских чар и исцелила его, и вынудила женить на себе. В доказательство приводили то, что Феврония для ворожбы всегда собирает со стола хлебные крошки. Петр поверил им. Стал искоса наблюдать за супругой во время пиршества. И заметил, что она действительно что-то украдкой в ладонь сметает. Неужели правда?

— Ну?

— Схватил он ее за руку и разжал. И что же там увидел? На ладони жены лежали кусочки золотистого благоухающего ладана. Просто крошки хлеба превратились в это благовонное вещество, которое было тогда на вес золота. А у Февронии с детства была такая хорошая крестьянская привычка — свято и бережно относиться к хлебу, чтобы ни крошки не ронять со скатерти на пол. Так злые бояре во главе с врагом рода человеческого оказались посрамлены. А Петр и Феврония, наши русские святые и чудотворцы, жили потом долго и счастливо и умерли в один день.

— Как в сказке, — усмехнулся Коля. — Так не бывает.

— Но это не сказка, а быль, и именно так и должно быть, — поправил его Василий Аверьянович. — А вывод для себя сделай такой. Есть ворожба, гадание на хлебных крошках, попросту измывательство над хлебом, а есть чудо, которое к волшебству не имеет никакого отношения. Напротив. Оно как бы противостоит ему и всегда побеждает. Тот кто не знает о тяжести вырачивания хлеба, его уборки, обмолота, приготовления и превращения в каравай — этого не поймет, видит в нем лишь продукт питания, средство набить желудок. Или ищет здесь какие-то свои корыстные выгоды. Возможности манипулировать людьми.

— Как Петя Горячкин с твоей сковородой, лже-Февроньей, — вновь подказал Коля. Умный мальчик, надо признать.

— Ну, с ней еще не всё ясно, ты так не говори, — строго ответил детектив Короткий. — Тут, скорее, в этих темных людишках дело. Хочу только специально для тебя добавить, что именно хлеб претворяется на Литургии в Тело Христово. Тоже великое чудо. Но это я тебе позже, в другой раз объясню. А вот какая хлебная закваска у тех, кто вокруг Варвары ужом вьется и к вам в интернат шастает? Да в Сокольниках свои шабашки устраивает. Вот это я и хочу выяснить.

20

Они шли по направлению к Маленковской, где находился интернат.

— Насчет шабаша ты верно заметил, — сказал Коля. — Сам видел один раз. Ночью. Жуткое зрелище. Жесть. Хорошо, что я как следует спрятался.

— А где? Как это? Когда было? — заинтересовался Василий Аверьянович.

— Я тогда как раз из интерната убёг. Ну, куда нырнуть, чтобы отлежаться? Только в усадьбу эту заколоченную. В Дом заколоченный, где ты меня и нашел. Залез в хлам какой-то и заснул. А ближе к полуночи голоса услышал. Фонарик зажигать не стал, у них свои были. И свечи длинные.

— И что же ты увидел, кто пришел?

— Ну, эти... Как ты их называешь — “хлебные люди”.

— Они себя так сами прозвали. Секта у них. Все честные люди хлебом причащаются, просфорками, а они над ним изгаляются. Это как служение сатане.

— Вот-вот, и я так сразу подумал. Потому что страшные все, в балахонах, череп с собой принесли. Потом маски надели. Хлеб вокруг крошили, стали по кругу хороводом ходить, петь гнусными голосами. Слов не разобрать, да я и не прислушивался. Забился поглубже в хлам. Это когда они черному петуху горло перерезали. Смекнул: обнаружат — и со мной то же сделают.

— А потом?

— Потом суп с котом.

— Кота тоже с собой принесли?

— Да нет же! Какой ты, дядя Вася, тупой. Потом я головы не высывал, пока они не убрались восвояси. Часа два прошло. А к утру только жженный запах от них и остался. Слово сероводородом навоняли. Тьфу!

Всё сходилось с прочитанной и восстановленной в памяти статьей. Можно было не продолжать. Наверное, журналочка получила удовольствие от этого шабаша. Но жаль, не подошла на роль жертвенной курицы. Да еще Василий как-то раз дома просмотрел среди Вариных книг одну занятную брошюру. Теперь тоже вспомнил.

Там говорилось, что они существуют на добровольные пожертвования прихожан, а отец Серафим и матушка Серафимка — почти святые люди, пророки, бессеребренники, просто рассорились с погрязшим, как считают, во грехе Московским Патриархатом. Себя называют истинно подпольными православными, верующими в особое таинство хлебных крошек.

Акцент был сделан на том, что основатель этой новой “Хлебной церкви” — сам бывший насельник одного из монастырей, а его сподвижница — доктор теософии. Есть у них свое жилое поселение, возле Сергиева Посада. Но там, в основном, их адепты, прошедшие жесткий селекционный отбор, работают, трудятся на возделывании огородов. Капусту выращивают.

А службы проводят на открытом воздухе, в московских парках. И чаще всего — в Сокольниках. Одно из главных правил для паствы — беспрекословное подчинение “отцу” и “матушке”. Ну и, разумеется, о чём нетрудно было бы догадаться, перепиш всевозможного движимого и недвижимого имущества на их счет. Вот откуда и “капуста”.

Особо послушным и отличившимся вручается знак “Серафима” первой степени, есть и второй, и третьей. Женам жить с мужьями запрещено. С кем

другим — извольте. Детям учиться не разрешается. Лечиться у врачей тоже. За малейшее проявление строптивости следует наказание — розги с крапивой. Хлещут по голой спине и попе все вместе. При этом поют хвалебные гимны хлебным коркам. И обязательно все должны смеяться от радости, даже истязуемые.

Что еще интересенького? Мяса не едят. Ну, если только втихаря ливер, под подушкой. Секс — пожалуйста, сколько угодно, с любого возраста. Короче, одна большая семья, все дети и чада Серафима и Серафимки. А весь мир вокруг — прогнившая ветошь, кругом ложь и мерзость. Спасение — в “Хлебной церкви”.

Словом, Василий Аверьянович уже понял, что секта эта — нечто вроде отrocka от сайентологии, а то и чего похуже. Какая-то гремучая смесь из оккультизма, бесовских методик и парапсихологии с психотропными добавками. Ну, и еще средство наживы. Но это только для избранных, высших “серафимов”. Все остальные адепты — месиво под ногами.

Но учение “Хлебной церкви”, как ни странно, получило распространение. Что, впрочем, неудивительно при таком нравственном и духовном отупении народа. Его уже поставили не только на колени — на карачки. Превратили в унылый и равнодушный ко всему, кроме поливки из СМИ, овощ. Да подкормки минеральными, кремлевской выделки удобрениями. Вроде забота как.

Последователи секты проявлялись во многих регионах России. Она набирала темпы. Основывались новые поселения. Под Тверью, Иваново, Калугой, Воронежем, даже за Уралом и в Сибири. Во всех исконно русских местах проживания. А отцы-основатели и матушки ездили туда с инспекцией. Или за сбором ясака, что вернее.

Может быть, сам отец Серафим и матушка Серафимка даже не были тут главными. А просто занимали одну из промежуточных ступеней в этой хлебной лестнице. Кто знает, сколько таких клонов-серафимов? А в реальности за ними стоит кто-то иной, более могущественный, незримый для любопытствующих глаз. Это понятно. Всё темное и совершается во тьме.

А главное, как ловко они сумели взять в оборот само понятие “хлеб”. Знают ведь, что для русского человека это слово имеет сакральное значение. Как “мать”, “земля”, “родина”. Кто-то очень умный и хитрый поработал, прежде чем запустить “Хлебную церковь” в тираж. Просто выдающийся мозг, как у политтехнолога Суркова, создателя и контролера всех российских партий и движений.

Василий Аверьянович вспомнил даже рецепт приготовления лепешек от матушки Серафимки, предлагаемый для излечения от суетности мира сего. Взять старую, тухлую муку, заплесневелые дрожжи, грязную воду из-под омовения ног, замесить и испечь. Вот и вся премудрость. И питаться этой бурдой сорок дней подряд. Да самому ни в коем случае не мыться. Тогда и просветление придет.

А почему, спрашивается, столь поганые ингредиенты? Отчего сразу помоев из ведра не нахлебаться? Что, для “русских свиней” лучше рецептуры не нашлось? Нет, отвечает матушка Серафимка, бурда эта освящена высоким именем “Хлеба” и имеет спасительное значение. А если по коже струпья пойдут и волосы выпадать станут — так это не беда.

Так надо. Это грех из тебя исходит, блуд, злоба и вся прочая нечисть. А поганое поганым лечится. И вообще, отцу Серафиму Господь уготовил место рядом с Серафимом Саровским, а это означает, что он святой при жизни. На Украине патриарх Филарет встречал его как старца и уж так старался услужить, что сам кормил отца-основателя “Хлебной церкви” с ложки.

Вот так, ни много, ни мало. Ох, Господи!.. Даже думать обо всем этом противно. Настоящая тоталитарная секта, каких сейчас масса вокруг. Прихлопнуть бы их всех одним махом, враз, как мухобойкой. Да кому-то ведь надо, выгодно, чтобы они были. И дело тут даже не в легкой наживе, чужое добро впрок не пойдет. А в растлении душ.

Василий Аверьянович покосился на шагающего рядом Коло. Тот продолжал увлеченно болтать, теперь о каких-то разных мальчишечьих пустяках,

а он сам стал вспоминать свой интернат, до которого оставалось совсем ничего. Знал, что увидит. Обычная двухэтажная кирпичная коробка, построенная еще в пятидесятые годы. Вроде солдатской казармы. Рядом с железной дорогой.

Наверное, и предназначалась для какой-нибудь армейской части, да потом перепрофилировали. Внутри — спальни, общие умывальники, столовка, комнаты для занятий, подсобки, словом, всё впритык друг к другу, компактно и тесно. Уныло как-то. Сбежать хочется.

Ничего с тех пор не изменилось, хотя на дворе уже второе десятилетие двадцать первого века. Даже шум от грохочущих поездов тот же. Словно стрелки часов остановились, время так и застыло в прошлом. И интернат этот так же заколдован, как тот таинственный Дом в Сокольниках, не поддающийся сносу.

Как же он ненавидел эти пронсящиеся мимо пыльных окошек электрички! Будто в них, битком набитых чужими людьми, стремительно мелькали, поманив рукой, и его родители. И исчезали, оставляя лишь гудящие рельсы и дрожащие провода. Вот и всё, что от них каждый раз оставалось.

Впереди наконец-то показался интернат. Оба теперь сосредоточились, а Коля еще и насупился, одёрнув кожаную куртку.

— Постой-ка! — остановился вдруг Соколкин, вспомнив что-то. — Ты давеча сказал, что узнал мою жену. А где ты мог её видеть?

— Да там. В Доме нашем. Заброшенном, — ответил мальчик.

— Когда?

— В прошлом месяце.

— Неужто... — он не смел выговорить, а Коля досказал, кивнув головой:

— Вот-вот, на шабаше, — и добавил: — Да ты приходи сам в Дом, увидишь.

“А ведь сегодня как раз полнолуние, — подумал Василий. — Тогда и мне нужно непременно там быть”.

— Жди меня здесь, никуда не уходи, — строго произнес он, поправляя модный галстук.

И направился к кирпичной коробке из-под безразмерных штиблет. А над ней, что выглядело особенно нелепо и издевательски, понуро висел трехцветный флаг, с двуглавой уродливой мутантной курочкой, сложившей крылья.

“Ах, да, — вспомнил Соколкин. — Сегодня же День России”.

21

Перед воротами интерната стояло несколько автомобилей, причем далеко не худых. Во дворе кучками толпились празднично одетый народ. Но что еще удивительнее — Василия Аверьяновича встретили радостными возгласами и аплодисментами.

Словно к ним явился от имени и по поручению всех российских сберкасс сам Герман Греф, чтобы облагодетельствовать собравшихся. Только его и ждали. Рослая женщина-распорядитель, с кроваво-красной лентой через плечо, выкрикнула в мегафон:

— Товарищи и господа! Мало хлопаем! Еще дружнее поприветствуем нашего замечательного человека! Избранного, так сказать.

Овации усилились. Славословный хор тоже. “Наш человек” невольно оглянулся, но позади него маячил только охранник в камуфляже и с резиновым изделием для отбивки говяжьей печени. Явно не принадлежал к числу замечательно избранных, чего ему аплодировать?

А девочка и мальчик в белом кружеве уже спешили вручить Василию Аверьяновичу гвоздики. Он принял букет, поцеловал маленьких дарителей и хотел что-то спросить, но женщина с металлической говорильней в руках деловито продолжила в динамик:

— Это последний, я думаю. Можно начинать. Прошу всех в зал.

Тут она вновь обратила внимание на запоздавшего и слегка растерянно-го гостя.

— Ах да! Мы же еще не представились. Назовите вашу фамилию, год выпуска из интерната и присоединяйтесь к торжеству.

Соколкин начал соображать, что здесь происходит. Он назвался.

Народ тем временем, потеряв к нему всякий интерес, шумно переговариваясь, потянулся в открытую утробу казармы. Распорядительница полистала списки, что-то отметила карандашом, удовлетворенно кивнула головой и сказала, уже не в мегафон, но всё равно зычно. Иным голосом, видно, говорить не умела:

— Спасибо, Василий Аверьянович, что сумели выкроить время и взглянуть в нашу славную альма матер на юбилей. Вы ведь получили приглашение?

— А как же! — солгал Соколкин, поняв, что и она тоже врёт. Никаких открыток он не получал, если только Варвара. Но та, конечно, могла просто забыть, выбросить вместе с мусором.

— Назовите еще место вашей работы и должность, — попросила хозяйка. — Мы хотим отследить жизненный путь всех наших воспитанников. Составить большую Книгу Памяти.

— У меня собственное крупное частное сыскное агентство, — не моргнув глазом, ответил Василий. — С фотографически-ракурсным уклоном.

— О! Как здорово. Это, может, и для нас пригодится, — женщина явно что-то просчитывала в уме — какую выгоду может извлечь для себя лично? Решила, что связи с главным, столь презентабельно выглядящим детективом будут совсем не лишни. — А я, как вы, наверное, уже догадались, директор этого интерната — Раиса Марковна. Работаю здесь всего два года, но уже много сделано.

— Это заметно. Фасад покрашен. Забор поправлен.

— Не только. Куплена новая мебель, школьное оборудование в классы. Да вы сами всё увидите, когда пройдёте по комнатам.

— Охотно пройду. Попутешествую по коридорам памяти.

— Так у нас и запланировано. Сначала небольшая экскурсия в стенах интерната, потом — торжественная часть с выступлениями и банкет. Скромный, так сказать, ужин. Спонсоры помогли, из наших бывших воспитанников. Но мы решили совместить полезное с приятным. Поэтому праздничные столы накрыли прямо в зале. Чтобы всё было по-домашнему.

— Будем говорить и кушать, — подсказал Василий Аверьянович. — Это разумно. Не теряя времени даром. А почему именно сегодня?

— Ну как же! Вы, должно быть, подзабыли. Интернат был открыт ровно шестьдесят лет назад. С тех пор и существует, как славный символ Сокольников. Да теперь еще эта дата совпала с Днем России. Представляете, как интересно получается?

— А главное, промыслительно. И опять же, приятное с полезным.

Ему хотелось еще что-то добавить, развить свою мысль, но директриса поторопила:

— Ну что, пойдёте? А то нас заждались.

— Последний вопрос. А где вся юная поросль? Что же, остались лишь два маленьких ребенка, бело-пушистые мальчик и девочка?

— Нет, конечно. Я всех отправила в Подмоскovie, в оздоровительно-трудовой лагерь. А это мои собственные дети.

И она повлекла Василия Аверьяновича за собой, возвышаясь над детективом на три головы. Слово дракон, по-хозяйски поглядывающий во все стороны, только жар не пускающий.

“Ладно, — подумал выпускник интерната, — всё остальное довыскажу за столом”. Он непременно решил взять слово для выступления. Имел на это полное право. И о “хлебных людях” надо бы потолковать с Раисой Марковной. Но лучше сделать это наедине. Зачем она их привлекает? Вместе с “серафимами” новых адептов “Хлебной церкви” готовит?

Сама женщина произвела на Соколкина некоторое впечатление своей активностью и внешним радушием. Но, похоже, за всей этой нарочитой доброжелательностью и деловой прытью пряталось что-то скользкое, каверзное, сугубо равнодушное ко всему, что не могло принести личной пользы. Как

ловко она воспитанников на трудовую повинность сплавила, а своих в кружачки вырядила.

Сразу видно, что человек она здесь случайный. Надела сейчас маску заботливого директора интерната, завтра предложат нацепить личину руководителя общества по защите бездомных собак и кошек, потом — президента фонда помощи слепым инвалидам. Всё сгодится. Всюду можно средства качать. Было бы дураков побольше.

А о Коле, оставшемся ждать его за воротами интерната, он не забыл. Но решил, что мальчик пока никуда не денется, найдет чем заняться. И сам он здесь долго затягивать не станет. Быстро со всем покончит. По-соколиному. Чувствовал в себе какой-то невиданный подъем сил и энергию.

Пока же Василий Аверьянович отправился на экскурсию по интернату. Отстал от всех и побродил один, заглядывая в комнаты. Новая мебель его мало интересовала, а вот следы прошлого... Нечто нематериальное. Оставленное им самим и его тогдашними друзьями. Нашел только хулиганскую надпись в туалете.

Долго присматривался к вычарапанной ножничком фразе, но решил всё же, что она принадлежит нынешнему поколению. Хотя всякая скабрзность похожа одна на другую, и сколько ее ни закрашивай — всё равно проступит сквозь ретушь и время. Даже в Коллизее найдется нечто подобное.

А что он ожидал здесь увидеть? Райский сад? Черно-белое кино своего детства? Вот же оно, всюду, для этого не надо было приходить в интернат, гуляй и смотри вокруг. На свое прошлое, которое следует за тобой по пятам.

Только теперь его раскрашивают фломастерами, как старые фильмы. Получается красиво. Но глупее этого и пошлее ничего не придумаешь. Просто досталась мальчишам-плохишам коробка цветных карандашей, вот они и стараются. Размалёвывают Россию.

22

Никого из своих прежних приятелей-подружек он здесь не встретил. Мелькало что-то отдаленно знакомое. Кажется, вот этот... или эта... А с тем, вроде бы, даже подрались. Но подходить и пускаться в воспоминания не хотелось. Василий Аверьянович и сам напустил на себя строгий и важный вид, чтобы и к нему не лезли с расспросами.

Но общая атмосфера была радужная. Некоторые пришли со своими вторыми половинками. Кто-то даже упёртых взрослых отпрысков притащил. Пусть на юность отцов посмотрят. И, конечно же, многие были уже навеселе. В честь двойного праздника. Теперь дважды предстоит на грудь принять. Не всякий обратно до дома доберется.

Вообще-то правильно Раиса Марковна эту сборку затеяла. Насмотрелась, наверное, в интернете “Одноклассников”. И для отчетности ладно. Может, вполне приличная женщина. Вон улыбка с лица не сходит, словно скотчем приклеена. Нельзя судить по первому впечатлению.

Василий Аверьянович переменял свое решение, не будет выступать. Нечего людям праздник портить. Или скажет что-нибудь хорошее, приятное. А лучше — посидит немного, послушает да и уйдет незаметно. По-английски. Зря, что ли, как лондонский денди облачился? И Коля уже заждался.

Директриса стала приглашать всех в зал. Сама рассказывала за столики. Кого считала поважнее и понужнее — в центре и ближе к сцене. Соколкину также одно из подобных почетных мест досталось. На чистых розовых скатертях — всё как полагается: вино, водка, закуски горячие и холодные, фрукты, хлеб.

Потом, когда все гости понемногу успокоились, она взяла микрофон и начала говорить. Речь ее была достаточно существенной, не длинной и эмоциональной, рассчитанной на собравшуюся аудиторию. Язык подвешен. Поднаторела в славословиях. Не иначе как бывший комсомольский инструктор или партийный функционер.

Прежде всего, она отдала должное Президенту Российской Федерации и Премьер-министру — духовному лидеру России. Так и сказала. За заботу о

детях, особенно обездоленных. За запущенные в производство новые национальные проекты, главный из которых — материнство. За славную спокойную жизнь и великое будущее. За всеобщую модернизацию. Это теперь был самый модный лозунг.

Пока всё складно. Предложила, не откладывая дела в долгий ящик, поднять за всё вышеизложенное бокалы. Гости-выпускники, уже начинавшие испытывать легкое нетерпение, охотно согласились. Против этого тоста никто возражать не стал. Выпили, закусили и оживились еще больше.

Затем Раиса Марковна перешла непосредственно к юбилейной дате. Коротко осветила историю интерната, поведала, какие люди вышли из его стен. Назвала несколько фамилий. Среди них, подчеркнула она, есть учёные, деятели культуры, государственные чиновники, крепкие бизнесмены, хозяйственники. Упомянула и Василия Аверьяновича Соколкина — директора детективного агентства.

— Да вот он сидит!

Ему пришлось принять на свою долю часть аплодисментов, встать и раскланяться во все стороны. После чего незамедлительно махнул бокал сухого вина, чтобы освоиться. А директриса продолжила:

— Но главный сегодня праздник для всех нас — это День России. Как славно, что он совпал с юбилеем интерната. И это глубоко символично. Ведь среди нас те, кто составляют соль нашей земли. Люди, испытавшие в самом раннем детстве много зол и бед, но сумевшие встать на ноги и идти вперед и вверх. К благоденствию и благополучию. Люди, сделавшие себя сами. Золотые люди нашего общества.

Здесь речь ее вновь была прервана дружными и крепкими аплодисментами людей, сумевших встать на ноги. Кому ж не нравятся, коли о тебе так говорят? Даже если ты ничего ни для кого не сделал, кроме себя. Да и шел всё это время не вверх, а вниз. Не к горней высоте духа, а к телесно-материальному низу. Там этого благоденствия и благополучия еще больше.

Василий Аверьянович делал пометки в уме, слушая филиппику Раисы Марковны, отдавая должное ее риторическому мастерству. Забалтывала просто здорово. Прирожденный оратор. Брала, наверное, уроки у самого Цицерона. В политику ей надо идти, в Думу, в партию “Единая Россия”, раз уж с КПСС не сложилось.

— ...Я давно отметила, что среди наших выпускников многие носят такие “говорящие” фамилии, как Ширяевы, Оленихины, Прудниковы, Кречетовы, Соколовы. Потому что мы находимся в историческом месте Москвы — в Сокольниках, которым уже более семи веков. Я и сама, по иронии судьбы, Соколович, хотя родилась не здесь, а на Украине. И это тоже символично. Мы — словно птицы, слетевшиеся из разных краев на этот праздник.

— Bravo! — закричал кто-то, не выдержав. Остальные голуби, коршуны и воробушки его поддержали.

А главная ворона или гагара заключила:

— И я считаю, что сегодня мы призваны отметить сразу три торжества. День России, юбилей интерната и славу этих гостеприимных и уютных Сокольников. И всё. Больше я мучить вас не буду, а каждый, кто хочет, может выступать в процессе нашего праздничного общения. Прямо с мест.

Тут уж овации с птичьим гвалтом достигли предела. Захлопанная Раиса Марковна, кивая и улыбаясь, уселась за столик к своим сотрудникам. А Василий Аверьянович подумал, вновь переменив свое решение: “Буду говорить, буду. Ведь как прав Шамфор — разложение каждой цивилизации начинается с самок”.

Ему даже показалось, что здесь собралось не так-то уж много действительно выпускников интерната. Где директриса могла их отыскать? Да и стала бы всерьез заниматься такой волокитой? Не похоже это на нее. И списки ее — фикция. Не избранные здесь, а просто званые.

Ну, может быть, кому-то несколько открыток-приглашений для профформы и отправила. Позвонила некоторым известным и нужным для дела лицам. А в основном — позвала своих знакомых и близких. На халывку-то. Вот почему они все тут друг друга так хорошо знают. Семейный праздник устроили.

И Василий Аверьянович вдруг почувствовал себя здесь совершенно чужим и лишним. Словно ошибся домом и дверью. Как всегда это ощущал в детстве в стенах интерната. Пока не удавалось сбежать, вырваться на свободу. Ничего с тех пор не изменилось.

Веселье продолжалось. Раиса Марковна управляла торжеством умело, будто опытный менеджер в сфере развлекательной индустрии. Предоставляла кому надо слово для тоста, останавливала, кто начинал слишком уж заговариваться. Пресекала излишний шум, сыпала прибаутками. Смотрела одновременно и строго, и ласково.

Бела себя как настоящая директриса среди повзрослевших детишек. Только подзатыльники не отвечивала. Вовремя запускала на сцену второстепенных эстрадных артистов, вокалистов и певичек, давно вышедших в тираж. Юмористов с плоскими шутками и набрякшими от перманентного питья веками. Скоморошных баянистов и балалаечников. Дородных чтецов с пафосными и лирическими стишатами. Фокусников, похожих на карточных шулеров из электричек.

Вывела даже под руки на всеобщее обозрение какого-то подозрительно-го ветерана. То ли труда, то ли безделья, поскольку тот заметно страдал от ожирения. И вспоминал почему-то свою работу на продуктовой базе во время войны. Явно не воспитанник интерната. Наверное, дедуля директрисы.

Клоунов только не хватало. Но их и в зале было предостаточно. А потом и вовсе пошли просто какие-то цирковые номера. В фигуральном смысле. Музыканты, прятавшиеся за ширмой, заиграли не то хава-нагилу, не то сиртаки. Раиса Марковна подала пример, увлекая в пляску гостей.

Многие поддались соблазну, взялись в центре зала за руки, начали выдвигать колени, двигаясь по кругу. Какая-то пародия на хоровод под чужеродные ритмы. Директриса всё пыталась и Василия Аверьяновича завлечь в этот шутовской танец, показывала глазами: давай, мол, сюда, к нам! Манила пальцем. Но он лишь усмехался и отрицательно качал головой.

А сам всё больше убеждался в том, что нет здесь настоящих выпускников интерната. Откуда им встать? Давно пропали, умерли. А если и есть кто, то уже основательно переродился. Разве могут у них, детей соколиного братства, быть такие сытые, довольные, полупьяные личины? Когда это они в те годы плясали под чужую дудку?

Но главный сюрприз готовился впереди. Раиса Марковна всё ждала чего-то или кого-то, поглядывала на часы. Наконец, это “что-то” и явилось. На пороге зала в окружении свиты застыл плотненький, невысокого роста (почти как Вася), коротко стриженный мужчишка с властно-капризным выражением мордочки. Сразу видно — начальник.

А внешне чем-то неуловимо похожий и на Медведева и на Путина в одном флаконе, только масштабом поменьше. Все большие, средние и даже совсем-совсем мелкие государственные чиновники теперь каким-то волшебным образом мимикрировали под действующих Президента и Премьер-министра России. Ловили в зеркало сходство и возвращали его в себе как зерно.

Этот загадочный процесс объяснить невозможно, он протекает в метафизической плоскости, на некоем эзотерическом уровне. Причем во всех других странах такого не наблюдается (если только в Германии и Китае, во времена фюрера и Мао). А вот в России верховная власть всегда неизменно порождает себе подобных.

Будто мутагенные яблочки сыплются в урожайный год с Древа Познания Добра и Зла. Собирай в корзину да вари компот, на другое и не годятся. Кислые и горькие. Иначе сами по себе сгниют, пользы всё равно никакой. Верно сказано: по плодам узнаете их.

Но что было самым удивительным для Василия Соколкина в этом явлении большого маленького человека народу, так это то, что в свите его обозначилось знакомое лицо Пети Горячкина. Вот уж никак не ожидал и его здесь увидеть. А впрочем, еще одно отпочковавшееся яблочко...

По взмаху крыла Раисы Марковны музыканты поднатужились и заиграли гимн России. Это после хава-нагилы-то. По другому ее призывному знаку все гости встали и захолопали пришествию важной персоны. Сначала как-то вяловато, но потом, понукаемые директрисой, всё более интенсивно. А вскоре аплодисменты уже переросли в бурные овации.

Чего не побить в ладоши, когда за всё, что на столах, уплочено? Мозоль от такой ерунды не векочит. Били, бьем и будем бить дальше. А вдруг действительно это кто-то из кремлевских властителей на огонек заглянул? Они это дело любят. Внезапно в народе материализовываться. Чем черт не шутит.

Но всё оказалось несколько проще. Когда музыканты закончили фальшивить, а аплодисменты смолкли, Раиса Марковна торжественно произнесла, чуть слезу не пустила:

— Вы все, конечно, узнали префекта нашего округа, нашедшего время, чтобы вместе со своими сотрудниками и референтами посетить нас в столь счастливую минуту. Когда мы празднуем День России и юбилей интерната. Это большая честь и огромная радость для всех собравшихся здесь. И лишний раз доказывает, сколько много внимания уделяется руководством округа нуждам обездоленных детей. Благодаря этой заботе и финансовой поддержке мы и существуем в постоянном развитии, выполняя важную миссию...

Досказать она не смогла. Префект сам умел говорить правильные речи. Он упрюгой походкой подошел к ней, отобрал микрофон, поднялся на сцену и начал:

— Не надо, Раиса Марковна, сейчас не об этом, давайте просто отпразднуем наше общее торжество, к которому я искренно и от всей души присоединяюсь. К сожалению, у меня мало времени, надо посетить другие мероприятия, но хочу сказать следующее. Мы все совместными усилиями создаем новую великую Россию...

Это “следующее” Василий Аверьянович слушать уже не стал, он поднялся и, не обращая внимания на негодующие взгляды директрисы, направился к тем столикам, за которыми расположилась свита префекта. До слуха доносились лишь отдельные слова и фразы: “модернизация страны”, “новые технологии”, “компьютеризация”, “Сколково”, “Единая Россия”, “привлечение инвестиций” и прочие популярные штампы.

Соколкин уселся на свободный стул рядом с Горячкиным, толкнул его в бок и спросил:

— Ты как здесь, Петя?

Тот застыл с поднесенной ко рту вилок.

24

— Жуй медленно, не подавись кальмаром, — добавил Василий. — А то сам осьминогом станешь.

Это была просто сцена из старого фильма “Два капитана”, когда злодей Ромашка, поедая макароны, увидел живого Саню Григорьева. Которого бросил умирать в лесу после разбомбленного фрицами поезда. Не хватало еще пролепетать: “Ты разве жив?” И выдавить из себя улыбочку.

Ведь конкурент в сердечных делах, законный муж, был не только бодр и снисходителен, но элегантно, по последней моде одет, собран как часовой механизм и даже, кажется, стал выше ростом. Чудеса какие-то. Что за преобразование? Нет, это не Вася Соколкин. Это кто-то другой.

Но у Горячкина хватило ума не заикливаться на капризах природы и очевидном — невероятном, к тому же он был искушенным и битым прохиндеем, поэтому сумел быстро взять себя в руки и значимо коротко ответить:

— Я с префектом.

— Это мы видим. А кем ты ему приходишься? Приемным сватом?

— Я консультант. Консультирую у него. Не важно что. Тебе-то какое дело?

— Да мне никакого, согласен. Но ты же вроде с Варварой в командировку собрался? Отменилась, что ли?

— Ничего еще не отменялось, просто не звонила пока. А как тут завершим, в Сокольниках, так и поедем.

— Куда — не сказала?

— Тебе знать необязательно.

Горячкин набирал воздух в сдувающуюся было оболочку. Становился прямо на глазах всё более важным. Насмешливо произнес:

— Я гляжу, ты приоделся у Кардена. С чего вдруг?

— Женюсь, Петя.

— На ком, если не секрет?

— На твоей бывшей супруге. На одной из них. А может, на всех сразу. Еще не решил.

— Да ну тебя. Юморист, оказывается. Ладно, не мешай мне есть и слушать нашего префекта.

Василий пододвинул и себе тарелку, положил буженины с палтусом, налил рюмку “Токая Фурминт”. И сказал:

— Чего его слушать-то? Тебе самому не надоело? Включи телевизор, только без звука, и смотри.

— Тише ты. Прямо радикал какой-то, анархист. Я здесь по делам, не до тебя мне.

— По хлебным делишкам-то? Конгресс свой в Сокольниках будете проводить?

— Ну какая разница!

На них уже стали обращать внимание. А префект всё толкал свою речь про великое будущее России, которое вскоре осуществится, как наглядный пример, в отдельно взятой отечественной силиконовой долине, в Сколково, а дальше эта новация расплзется по всей стране.

— ...До самого краешка российской пяди, — говорил он, всё больше воодушевляясь. Наверное, сам себя любил послушать, в записи. — И в большие города придут новые инвестиции с высокими технологиями, и в деревни, и в самые дальние глухие уголки, где даже не ступала нога человека. Это я вам обещаю. Это гарантируют наш Президент и Правительство. Из Сколково — в Сокольники, друзья мои. А далее — везде. Модернизация страны и нанотехнологии — это наш нанохлеб будущего.

Так и сказал, черт, образно. Совсем парень про недостаток времени подзабыл. Что ж поделаешь, когда пошла такая оратория. И опять поплел про Президента и Премьер-министра. Ну да, выборы ведь скоро.

— Ты-то сам чего сюда приперся? — тихо спросил Петя. Очень ему хотелось это узнать. Чтобы потом Варваре наябедничать.

— Да я-то здесь как раз к самому месту. Тут вроде бы типа встречи выпускников интерната. Так, по крайней мере, объявлено.

— А ты, значит, из этой подворотни?

— Ну не из твоей же, где с утра столовыми ложками икру жрали и сахарным сиропом запивали, — скромно потупился Вася.

К ним протиснулась Раиса Марковна, наклонилась над головами.

— Господа, вы отвлекаете своими разговорами нашего префекта, — с укором зашептала она. — Погодите немного, еще наговоритесь. Или выйдите незаметно в коридор, если столь важно.

— Нет, нет, — испугался Горячкин. — Ничего у нас важного, так просто.

— Старого друга встретил, — добавил Соколкин. — Жениха жены. Пятое колесо к моей второй половине.

— Как это? — не поняла дама. Не сразу сообразила, что насмешничает, момент-то уж больно торжественный и серьезный. Словно будущее России прямо на глазах свершалось.

— Да вот так. Но у нас обмен как бы, чейндж. Мне вагон хлеба предлагает. А я вот думаю, чтобы не продешевить. Обманет ведь, черствый какой-нибудь подсунет, секунд-хенд. Прошу еще хоть краюху или осьмушку в придачу.

— Вам пить больше не надо, — мягко посоветовала директриса.

— Вот и я о том же, — заметил Горячкин. — Выведите его, что ли.

— Не тупи, Петя, я и сам уходить собрался, пора уже, — примирительно ответил Василий Аверьянович с самым добрым и ласковым выражением лица. — Только еще хочу поблагодарить префекта и вас, уважаемая Раиса Марковна, за теплый прием и отличную организацию праздника. Не возражаете?

— Не нужно ему слова давать, — торопливо встрял Петр. Будто почувствовал что-то.

— Как выпускник интерната имею право. Очень мне тут всё у вас нравится. Душевно. Как в дни моего счастливого детства.

Женщина внимательно, оценивающе посмотрела на него, словно приемщица в ломбарде. Никаких изъянов и ничего порочащего не обнаружила. Вполне солидный мужчина. С собственным агентством.

— Что ж, можно, — она утвердительно кивнула головой.

И поспешила обратно, под сень несмолкаемого префекта. Туда, к журчащей воде, к источнику жизни. К миражам в пустыне.

25

Горячкин, не спуская восторженно-льстивых глаз с оратора, ехидно шепнул:

— А куда ж ты своего приبلудного пасынка дел? В какой сточной канаве посеял?

— А тебе бы не мешало лексикон подштопать, нанонитками. В высоких сферах ведь крутишься, конгрессы затеваешь. А то — подворотня, канава...

Но едва Василий сам подумал о мальчике, как тот и возник в дверях. Видно, ждать надоело. Встал на пороге, прислоняясь к косяку, но в зал войти не спешил. Лишь головой крутил, высматривая старшего сокола.

— Да вот он. По тебе, Петя, соскучился.

В такой супермодной кожаной куртке и бейсболке козырьком вниз никто из охраны его за интернатского пацана принять не смел. Посчитали, должно быть, что не иначе как отпрыск какого-нибудь важного бизнесмена. И вид уж больно нахальный. Лучше не связываться.

Василий Аверьянович помахал Коле рукой, призывая за свой почетный столик. Мальчик увидел и пошел к нему развинченной походкой. Наверное, где-то в кино у какого-нибудь Бельмондо подсмотрел. Но подражал хорошо. А для паренька это тоже как форма самозащиты. Уверенней себя чувствовал.

Места свободного около Соколкина не было, поэтому он обратился к сидящему рядом какому-то упитанному референту или консультанту, наверное, также по “хлебным делам”:

— Слышь, друг, хорош греться, пойди, покури пока, мне хлопца покормить надо. А твой хоз еще тут долго трендить будет, так что успеешь в ладоши нахлопаться.

Человек недоуменно и испуганно посмотрел на него, но, привыкший к развязной власти начальства, поспешно освободил стул. Коля на него и уселся, передвинув бейсболку козырьком вбок.

— Шляпу сними, — строго указал ему Василий. — Вон, смотри, даже наш дядя Петя Авиэзерович без своего помпадурского берета сидит.

— Ты, гляжу, никак наследство получил? — усмехнулся Горячкин. — Больно смелым стал. Как бы не укоротили.

Соколкин, не обращая больше на него да и вообще ни на кого вокруг внимания, стал накладывать Коле в тарелку деликатесы, наливать сок манго.

— Ты молодец, что пришел, не побоялся, — сказал он мальчику. — Кушай.

— А кого мне тут пугаться?

— Правильно. Мы сами по себе. А они отдельно.

— Вот и я о том. Пусть тусят дальше. А хачка тут славная.

— Проголодался после Хиросимы?

— Японская кухня не по мне. Ты был прав. Ну её!

Петя прислушивался к их вольной беседе и всё никак не мог унять, душила его какая-то жаба. То и дело с завистью и изумлением поглядывал на них, таких довольных и раскрепощенных.

— Куда вы оба так вырядились? — спросил наконец он. — Непонятка какая-то. Давно ли спелись? Чей это мальчик? Ты кто, дитя порока?

— Конь в манто, — огрызнулся Коля. — Поборзей еще тут. Не на своем ранчо.

— Ты лучше за префектом смотри, как бы не спер чего, — посоветовал Вася. — А когда надо будет встать и заорать “Браво!”, я тебе подскажу, так и быть. Но на бис больше не вызывай.

— Да что с тобой приключилось? Гоголем ходишь. Прямо король с королевичем выискались. Не на прием ли в Букингемский дворец собрались? — глаза у Пети стали совсем круглыми, будто два пятака. Нет, их больше не производят, скорее, как пара десятицентовиков. Для его менталитета ближе.

— Ну что тебе ответить, друг мой нежный? Всё равно ведь не поймешь. Считай, что мы клад нашли. Но чуйка у тебя верная.

Василий при этом лукаво подмигнул мальчику.

— У нас когда самолет в Бомбей? — подыграл тот. — Не опоздаем?

— Да не должны вроде. Давай-ка я этого префекта окорочу, а то точно в Шереметьево не успеем.

— Да пусть дальше по ушам ездит, поёт складно. Я, дядь Вася, нашего водилу отпускать не стал, мотор греется. “Мерс” вмиг домчит. С мигалкой-то.

Горячкин, слушая это, как-то сник. Словно повядший нарцисс. Ведь всё, не имеющее разумного и привычного объяснения, вызывает душевную тоску, а у некоторых так даже животный и безотчетный страх. А тут эти двое... Словно из сказки. Сидят, веселятся, и ни до кого им дела нет. Так не бывает. Не должно быть.

Вяло спросил только:

— Варя знает, что вы оба здесь?

“Признал, значит, наше двуединство, а это уже маленькая победа на поле бытовой брани”, — с удовлетворением подумал Василий. И ответил:

— Нет, но ты же сам ей звякнешь. Скажи также, что мы обязательно сегодня встретимся. Домой пусть не ждет, мы с Колей вообще решили не возвращаться. До тех пор, пока она не изменится. Передай пламенный привет с поцелуем. Впрочем, последнее не надо.

— Что-то я не пойму тебя. Весь в тумане. Где встретитесь, если мы с ней в командировку едем? И ты с нами тоже, что ли? Почему домой не ждать? Уходишь от нее? Насовсем или блажь вдруг заела? Ну, мне-то плевать, так-то оно даже и к лучшему.

— Не блажь. А аксиос.

— Чего-чего?

— Достоинство. Достойным.

— Ну хватит уже пургу гнать. Скажи, мальчик Коля, — обратился Горячкин к младшему соколику, — твой дядюшка сегодня головой не падал? И ты заодно с ним об бревно? Вместе, кажется, умом повредились.

— Сам не упади, — процедил юный Бельмондо сквозь зубы. Не нравился ему Петр Авиэзерович.

— А, всё. Я догадался. Ты, Вася, действительно пьян.

— Никогда такого не было и не будет.

— Ну, тогда сдаюсь.

И он даже поднял обе руки вверх. Которыми тут же пришлось бурно аплодировать. Речь префекта наконец-то завершилась.

Сразу же стал выступать кто-то из его замов, ответственный за социальные программы, а маленький префект, с лица которого не сходила голливудская улыбка, сел за столик. Рядышком угнездила и Раиса Марковна, также очень довольная собой. Обоих можно было бы сейчас сфотографировать для рекламно-гламурного плаката “Жизнь удалась!” и вывесить на уличной растяжке.

Префект положил в рот маслинку и небрежно бросил челяди:

— Через пять минут уезжаем. И так задержались тут. Как бы не опоздать в мэрию.

Тут он обратил внимание на мальчика, еще ширше обнажил свой белозубый рот и спросил:

— Чей малыш? Ваш, Раиса Марковна?

— Мой, — ответил за директрису Василий Аверьянович. И тотчас продолжил: — Мне ваша речь очень понравилась. Золотые слова, спасибо за заботу. Разрешите поблагодарить вас от имени всех детей. А также собак и кошек. Прямо не знаю, чтобы мы без вас делали.

— Ну уж! — снисходительно усмехнулся префект. — Не я один этим занимаюсь. Вся тяжесть лежит на плечах вот этой хрупкой женщины, Раисы Марковны. Ее и благодарите.

А “хрупкая женщина”, весом под восемьдесят килограммов и ростом с бормашину, стала вдруг подозрительно приглядываться к Коле. Наконец-то до нее дошло, что это один из ее интернатских. Мальчик же невозмутимо попивал сок. Чувствовал себя вполне защищенным под сенью старшего друга.

— А вы, простите, кто будете? — полюбопытствовал префект, взглянув на часы.

Горячкин услужливо подсказал:

— Василий Соколкин, муж Варвары Борзых, хлебной предпринимательницы. И мой старый приятель.

— А-а. Хорошо. Помню. Передавайте ей привет. Всех благ. В случае чего — поможем.

— Обязательно передам.

Они даже обменялись рукопожатиями. На этом всё могло бы и завершиться, тем более что и речь зама подошла к концу, но Василий неожиданно спросил у префекта:

— А вы знаете, какой сегодня день?

— Как какой? День России.

— Ответ неправильный.

— Что вы имеете в виду?

— Сегодня день аввы Агафона.

Префект с интересом посмотрел на Соколкина, всё еще продолжая улыбаться. Подумал — шутка такая. Но на всякий случай переспросил:

— Это какого еще Агафона? Поясните. И покороче, у нас мало времени.

— Ну, был такой святой старец. А о времени не заботьтесь, у Господа свой отчет, все ваши минуты и секунды взвешены.

— Занятно, — префект снова взглянул на часы. — Ну, кажется, нам пора. Спасибо, Раиса Марковна, за чудесный праздник, так держать.

— Погодите, успеете, — остановил его Василий Аверьянович.

В голосе у него вдруг обнаружилось столько металла, что никто за столом с места не сдвинулся. Теперь все с удивлением молча смотрели на фотографа-детектива. Уже не улыбаясь. Ждали, что еще скажет? Лишь Петя Горячкин как-то нервно заерзал на своем стуле. А Раиса Марковна, напротив, застыла, словно жена Лота. На этом каменном изваянии оставались живыми лишь глаза-буравчики.

— День России, по-вашему, только раз в году бывает? — продолжил Соколкин. — Когда можно праздновать да веселиться на ее останках? А в иные дни что? Торжество поедающих ее трупных червей? Это для них-то нужна ваша модернизация, господин префект? Чтобы успешнее обглодали? А когда добьете окончательно — тогда что? В мозгах надо модернизацию делать, прежде всего — в ваших. Чтобы забыли наконец, что жизнь удалась. Нет удачи там, где земля горит под ногами.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — нервно отозвался чиновник.

— Всё вы понимаете. Сколково! Кому нужен этот еще один нелепый, прожекторский проект? Простым людям, которые на каждом шагу подыкают от ваших ядовитых испарений? Или жирным котам, чтобы еще одну миску сметаны слопали? Ведь не все еще полные дураки, видим вокруг одну

сплошную ложь и несправедливость. Это-то и убивает. Щеки-то надувать вы умеете, говорить красиво тоже. Только все слова ваши пусты, как вылущенные колосья без зерен. Хлеб от них не родится. Почему вы ничего не сказали о том пекле, в котором оказалась Россия прошлым летом?

— Это к теме не относится, — сказал префект. — И... заканчивайте.

— Да я только начал разминаться. Вы еще не всё от меня услышали. Два месяца страна горела, словно сухой хворост, люди в Москве и других городах пачками мерли, а нам говорили: покупайте респираторы, закрывайте окна! Устраивайте снесту на рабочем месте. Это что, такой эксперимент был над Россией устроен? По сговору с вашими начальниками из Вашингтона? Четыре пожарных самолета МЧС на всю страну, причем два из них сломааны. Премьер сам лично из ведерка пожары под елочками тушил. Чтобы показать, какой он заботливый. А то, что все леса и пахотные земли распроданы — это как? Кому достались богатейшие недра? Тем, кто способен лишь выкачивать и отправлять прибыль за рубеж?

— Он — сумасшедший, — пояснил Горячкин. — Велите позвать охрану, пусть выведут.

— Нет, не надо, пускай говорит, — ответил префект. — Глас народа... это... А еще лучше, изложите ваши претензии в письменном виде, мы рассмотрим.

— Чего рассматривать-то? — прикрикнул на него Соколкин. — Вы сами-то поняли, что сейчас сказали? Да оглянитесь вокруг! Если вам, малой кучке, хорошо, это не значит, что всем людям в России тоже. А вы знаете, что во Владимирской губернии, да и в других мужички в селах сами поджигали леса? Почему? Да потому что они чужие теперь, их туда не пускают даже грибы собирать. Скупили всякие Якубовичи, Фили Киркоровы и Никитушки Михалковы. Вот пусть и горят — так они отвечали. Не наше. А потом и за барские усадьбы примутся. Это вас не озадачивает? Ничего не напоминает из истории России? Сколько вам вообще времени осталось? Торопитесь пожить власть напоследок?

В зале теперь было очень тихо, разговоры и смех за соседними столиками смолкли. А голос Василия Аверьяновича нарастал, звучал всё громче и громче:

— Ждете, чтобы Россия совсем выгорела, как пшеничное поле? Так вот, когда авва Агафон умирал, даже он не знал: угодны ли были его дела Богу? И отвечал монашеской братии: “Невозможно удостовериться в правоте моей, прежде чем предстану перед Господом. Потому что суд Божий — это одно, а человеческий — другое”. А уж ваши дела всем видны и ясны, тут никаких загадок нету. И если вы не боитесь и нет на вас человеческого суда, то хоть о Божьем вспомните. И еще добавлю. А ты, Петя, не ерзай на стуле, будто уж на сковородке.

Раиса Марковна стала подавать знаки охранникам, но те как стояли в дверном проеме, так и продолжали стоять, не шелохнувшись. Также внимательно всё слушали. И, судя по всему, им это нравилось. Как и другим приглашенным.

— Авва Агафон в течение долгого времени занимался вместе со своими учениками постройкой келлии. Наконец, завершили строительство, стали там жить. Но авва увидел на том месте что-то вредное для души. И сказал ученикам: “Встаньте, идем отсюда”. Те спросили: “Если у тебя было намерение переселиться отсюда, то зачем мы затратили столько труда, соблазнились?”. Старец ответил: “Если переселение наше будет соблазном для одних, то для других оно послужит назиданием. Найдутся и такие, которые скажут: блаженны эти иноки, переселившиеся ради Бога и презревшие собственность свою ради Него”. И еще он сказал: “Я иду немедленно. Кто хочет — пусть идет со мной, а кто не хочет — пусть остается”. Так и в России теперь, где наступили последние времена. Но не только здесь. По всему миру апокалипсис наступает. И вам нигде уже не отсидеться и не отлежаться. Не будет такого места для вас.

Василий Аверьянович на несколько секунд замолчал, взглядываясь в напряженные лица вокруг него. Потом указал на мальчика:

— Вот он — День России! Вот ее истинное настоящее. А будущего-то, может быть, уже и не будет. Что-то очень вредное для души тут сеется вами. Не зерно вырастет, а мякина одна. Не хлеб, а этикетки. И если вы еще не поняли, что творите, то пожалейте потом. Когда нечего будет больше праздновать. Оставайтесь теперь, а мы уходим немедленно. Пошли, День России.

Соколкин протянул Коле руку, и они вместе направились к дверям. А когда проходили мимо расступившихся охранников, тишина в зале позади них вдруг неожиданно взорвалась аплодисментами.

На улице же их встретил проливной дождь. Но это была благодатная, освежающая влага.

27

Они сидели на крыльце Заброшенного Дома и молчали. Всё уже было обговорено, оставалось только ждать. Темнело быстро, но до полуночи еще хватало времени. А раньше двенадцати часов “хлебные люди” вряд ли появятся.

Плана действий у Василия Аверьяновича никакого не было, он решил положиться на волю обстоятельств. С Божьей помощью.

Дождь давно кончился, но грозовые тучи продолжали висеть над Сокольниками. Как и отвратительная в своей круглой наготе и белизне луна, проглядывающая сквозь мрачное небо. Вообще всё вокруг казалось довольно жутковатым. Корявые деревья, похожие на застывших нелюдей с протянутыми лапами-ветками. Полуразрушенная усадьба, напоминающая кладбищенский склеп. Мертвящий лунный свет. Покойников только не хватало.

— Скоро придут, — выразил общее настроение Коля, кутаясь в бежевый плащ Василия Аверьяновича.

— Чего дрожишь? — спросил тот. — Замерз или боишься?

— Не пугливый.

— Всё равно, не надо бы тебе сейчас тут со мной. Мало ли как обернется. Может, пока не поздно, уйдешь? Поезжай в центр города, сегодня народ будет до утра праздновать. Или на Красную площадь, там концерт какой-то, рокерский. “Скорпионы” из Англии прилетели, любимая группа Президента. Глядишь, он и сам вместе с ними выступит. Чего ему еще от жизни надо? Счастье, с детства, поди, мечтал.

— Ну их всех в болото. Нет. С тобой останусь. Не брошу.

— Тогда ладно. Еще посидим немного и пойдем прятаться.

В кармане у Василия Аверьяновича запиликал мобильный телефон. Это Варвара звонила.

— И чего же ты, милый мой, там в интернате учинил? Что на тебя нашло? — сердитым голосом спросила она. — Понимаешь хоть, что полным дураком себя выказал? Префекта обидел. А мне репутацию подмочил. Идиот несчастный.

— Нет, счастливый, — возразил Соколкин. — Уже стукнул Петюся? Быстро работает. А ты где?

— Я-то в командировку собираюсь. Уже в пути, считай. А вот где ты?

— Да недалеко от тебя.

— А что домой не идешь?

— Я не один.

— С пацаненком этим?

— Как же его бросить? Ему вообще приткнуться некуда.

— Ну и приходите вдвоем, черт с вами! Разрешаю.

— Придем, если и ты останешься. Отменишь свою командировку.

— Не могу. А вернусь — тогда и поговорим. Разберемся.

— Ну тогда и мы пока погуляем.

— Ты, Вася, какой-то странный стал. В детство впал, что ли?

— Ага. Иногда надо, для души полезно.

— Да что с тобой происходит? Не узнаю просто. Горячкин сказал, что вы оба как на посольский прием вырядились. Все деньги с карточек снял?

— Чуток осталось. На хлебушек хватит. А нам много-то и не треба.

— Василий, ты, по-моему, просто заигрался в свой детектив. Кончай всю эту байдю, закружляйся. Я отменяю все твои расследования. Хватит людей смешить.

— Это уже не детектив, Варя. Жизнь в России теперь настоящий триллер. А для кого-то и водевиль. Режиссеры умело жанры меняют. Чтобы не скучали. Сегодня трагедия, завтра — комедия. Послезавтра — прощальный хор краснознаменного ансамбля и уход со сцены. Занавес опускается, театр горит. Пьеса была плохая.

Варвара помолчала, осмысливая его слова. Потом спросила с раздражением:

— Чего ты хочешь? Скажи.

— Ничего особенного. Просто чтобы ты вернулась к себе, в себя.

— Я — это и так я. Другой не будет.

— Нет, Варя. Сбрось чары. Ты же совсем иная. А я тебе помогу.

— Мне ничья помощь не требуется. Ты много о себе возомнил.

— Ну, скажи еще, что слишком короток. А золотник мал, да дорог. И я всё еще люблю тебя. Иначе и быть не может.

Мальчик прислушивался к его разговору, а он чувствовал, что с Варварой происходит какая-то внутренняя борьба. Слово она решала для себя некий жизненно важный вопрос. Казалось, драма подходила к своей развязке, достигнув высшей степени напряжения.

После небольшой паузы супруга твердо произнесла:

— Если немедленно не явитесь домой, то можешь вообще не приходить.

Никогда.

— Пусть так, — согласился Василий.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Отлично понимаю. Развод.

— Не только. Я тебя по России нищим пушу.

— Ну и что такого? Эка напугала! Да вся Россия и так нищая, кроме кучки бездельников, префектов и президентов. И я тебе не вассал, не раб. Лучше быть нищим, чем слугой в барских покоях.

— Блаженный ты, Вася. Вот ты кто.

— А ты, Варя, это только сейчас заметила?

Супруга вновь помолчала. Потом несколько иным, более мягким тоном сказала:

— Хорошо. Будем тебя лечить. Теперь мне некогда, а завтра всё обсудим. Даю тебе последний шанс.

— И я тебе — тоже. Не ходи сегодня никуда. Я ведь знаю, в какую командировку ты нацелилась. Опомнись.

— Всё, хватит болтать! Завтра встретимся. Пока.

— Да мы, может быть, еще и раньше увидимся, — успел произнести Василий, прежде чем супруга отключила сотовый.

Соколкин посмотрел на Соколика и улыбнулся.

— Вот так, — сказал он, подмигнув. — Теперь давай в прятки играть. Люблю это дело. Равных мне в детстве не было.

— Да и я мастак, — отозвался мальчик.

Как-то веселее стало от этих слов. Застывшие вокруг мохнатые нелюди вновь превратились в обычные сосны и елки, грозовые тучи уползли в сторону Кремля, а луна стала напоминать непрожаренный блин со сковородки. Даже Заколдованный Дом, согретый и приютивший их, казался теперь самым надежным местом не только в Сокольниках, но и во всей Москве, а может быть, и в России. Последним оплотом. Который ни взять, ни сжечь.

Сатанинская “хлебная” месса началась ближе к полуночи и длилась, наверное, уже полчаса. Когда эти ряженные придурки в полумасках успели появиться? Да тихо-то как. Василий и не заметил. Вздремнул в своем высоком укромном уголке, заставленном пустыми коробками.

А мальчик так и продолжал спать рядышком, посапывая во сне. Место они себе для засады выбрали отличное — просторный холл как на ладони, а их самих на антресолях никак не углядеть. Да и темно в доме. Лишь свечки горят и полная луна в разбитое окно смотрит. Интересно, что за балаган?

К тому же адепты секты плавно переливались по кругу, низко опустив головы и держась за руки. Заняты были сами собой. Горланно бубнили-пели что-то монотонное, не разобрать. В центре на ветхом кресле недвижно восседал главный жрец — отец Серафим. Позади него застыла и матушка Серафимка. Все были в каких-то балахонах с блёстками-звездочками и капюшонах. Спецодежда.

Василий Аверьянович, возможно, так и проспал бы клятое действо, но от этого горлового бубнежа и очнулся. Коло будить не стал. Начал пересчитывать злодеев. Тринадцать штук, включая вождя и вождиху. Ну, понятно. Чертова дюжина. Должно быть, именно столько и полагается по служебной инструкции на каждой мистерии.

Но где же среди них Варя? Все в черных полумасках, одинаково бесформенные, не понять даже — кто мужчина, кто женщина. Усредненный пол. Да и есть ли она тут? У Васи таилась надежда, что супруга все-таки одумалась и не пришла. Такое тоже возможно. В последнем телефонном разговоре голос у нее был какой-то неожиданно более проникновенный и человечный, чем всегда. Почти как прежде. Хорошо, если одумалась.

Но мейерхольдовская буффонада продолжалась. Любопытно было понаблюдать. Да еще бесплатно, из ложки для виш-персон. А впрочем, вскоре стало ясно, что ничего особо интересного не предвидится. Все сатанинские секты одинаковы, подражают друг другу.

А режиссер известно кто. Ничего нового придумать не может, сам у себя обезьянничает. И сколько бы ужаса ни нагонял, какую бы нечисть ни вызывал дьявольским колокольчиком из тьмы, как бы ни бился в корчах — человеку с молитвой на устах и в сердце не страшно. А с крестным знаменем и вовсе.

Василия порою даже смех разбирал. Ходили они, значит, как манекены, по кругу, пели свои кретинские гимны, славословили отца Серафима и матушку Серафимку, потом начали хлеб всюду крошить, будто на корм курам. На колени опустили. Вновь что-то закудахтали на своем тарабарском языке. Ведь и речь-то русскую даже утеряли. Совсем с рельсов вагоны сошли.

Поглядел бы на них маленький префект округа. Может, поумнел бы. Хотя вряд ли. Скорее, к ним в кружок встал, вместе с Райсой Марковной. Одного поля ягоды. Кисло-сладкие, генно-модифицированные, а наутро — изжога. Но если вдуматься, то вот это кривое зеркало, в котором отражаются все бесы и неясь — и есть пестуемое властями, как сорняк в горшке, Сколково, очередная игрушка и забава для глушцов.

Полнолуние в России еще не скоро кончится. Модернизация, мать твою. Вася смотрел на дергающихся “хлебных людишек” внизу, а веселое настроение его уже покидало. Грустно и горько становилось оттого, что человек сам охотно идет за лжепророками, проходимцами и вряями. Будто нет перед ним чистого света и ясного образа Божьего. Одна гадкая инновация.

Нет, в самом деле. Бессмысленны любые потуги втюрить оглуевшему народу новые сказочки про нанотехнологии, когда он сам добровольно на колени падает и мычит под дуду серафимоидов. И кремлиноиды ничуть не лучше. Клоуны и те, и другие, фокусники. А всё темное российское общество — зрители в этом цирке шапито, где им палец показывают.

Вот жила когда-то давно в Александрии некая женщина, Гипатия. Возглавляла Платоновскую школу, лекции по математике и философии читала, а всё свободное время посвящала игре на музыкальных инструментах. Ей еще приписывают изобретение астробалистики. Она очень умные вещи говорила, например: “Учить предрассудкам как истине — самая ужасная вещь”.

И добавляла при этом, что люди должны прежде всего развивать собственные мысли, а не заимствовать чужие, не ходить стадом на водопой, не соблазняться идеями и красивыми словами. Нужно сохранять свое право ду-

мать, потому что даже думать неправильно лучше, чем не думать вообще. Фраза на все времена. А уж для России особенно ценна и полезна.

Так ее, Гипатию, римляне взяли да на маленькие кусочки изрезали. Острыми ножами для разделки устриц. Астролябия им была без надобности, у них, чай, под Римом свое Сколково для дураков строили, образование и культура тоже ни к чему. И думать народ не должен, за него этот труд другие на себя взяли, считающие себя элитой общества. Хотя это не элита, а дерьмо собачье. А населению достаточно хлеба в корыто накрошить да цирк показать. И нет Гипатии. Не учи истине, учи предрассудкам.

Василия всё больше одолевала злость, когда он глядел на хороводивших сектантов. Все движения у них были какие-то механические, искусственные, словно внизу в холле не люди собрались, а ватные куклы. Издавали мякающие звуки, повторяли за матушкой Серафимкой разученные пассы, а по взмаху руки отца Серафима хором выкрикивали: “Хлеб! Хлеб!”

И ничем, в сущности, это зрелище не отличалось от недавнего форума в интернате. Там пели и плясали, слушали и хлопали идиотам, тут тоже. Две встречи выпускников дурдома. Будто одни и те же собрались, только поменяли маски. А глаза у всех так и оставались зашорены и широко закрыты. И мозги в ломбурд заложены.

Надоело ему на всё это смотреть. Тошно стало. А тут еще откуда ни возьмись в руках отца Серафима череп появился, а матушка Серафимка клетку с черным петухом достала. И острый кривой ножик из-под полы. Таким, наверное, Гипатию резали. Все вокруг застыли в напряженном ожидании.

— Ну-ну, — прошептал Василий Аверьянович. — Вот только попробуй-те птичку тронуть...

А Коля продолжал спать.

29

— Кто готов окропить наш хлеб кровью? — громко, ледяным голосом спросил отец Серафим.

— Кто? — пропищала вслед за ним матушка Серафимка.

От сбившейся в кучу темной массы отделилась одна фигура и сделала шаг вперед.

— Признаешь ли ты превыше всего наше хлебное братство? — задал новый вопрос главный батон.

— Признаешь? — добавила его подружка-булка.

Фигура сделала к ним еще два шага и скинула капюшон. Но полумаска на лице осталась.

— Будешь ли целиком и полностью повиноваться одному лишь хлебу нашему, который в моих руках?

— Будешь?

Еще три шага вперед. И вот уже эта зазомбированная фигура стоит прямо перед отцом Серафимом, у которого на одной ладони лежит череп, а на другой — хлебные корки и крошки.

Матушка Серафимка тем временем вытаскивала петуха из клетки. Готовилась к жертвоприношению. Хорошо хоть не к человеческому. Но за этим дело не станет.

— Целуй создателя нашего, — сказал основатель секты, протягивая череп. — Ешь хлеб его.

Фигура выполнила его требования. Сначала прикоснулась губами к бедному Йорику, затем положила в рот горстку крошек. Какая-то издевательская пародия на причастие. От возмущения Василий Аверьянович даже фыркнул. Наверное, слишком громко, поскольку адепты с неопитами зашевелились, повернулись в сторону антресолей. Туда же уставился и отец Серафим.

— Крысы бегают, — успокоила всех матушка Серафимка.

“Сама ты крыса”, — подумал Соколкин.

Фильм ужасов из сериала “Мертвецы возвращаются” продолжился. Слава Богу, что Колян спит и в ус не дует, нечего ему эту байду смотреть. Ва-

сильий Аверьянович и сам бы не глядел, но больно хотелось узнать: есть ли среди них Варвара?

— Приступим теперь к воплощению хлеба и крови в земную радость, — деловито произнес отец Серафим. — Матушка, передай сестре священную птицу и инструмент, пусть на деле докажет, что она отныне навечно с нами.

— Как скажешь, батюшка, — откликнулась та. — Давай, голубушка, режь петушку горлышко.

— Маски прочь, — приказал хлебный фюрер. — Подставляйте руки, омоем лица свежей чудодейственной кровью, впитаем хлебный дух всеобщей любви и счастья.

— Вот урод-то, чистый дебил, — прошептал Василий, чувствуя, как у него начинает свербеть в носу. Причем всё сильнее и сильнее. От скопившейся на антресолях пыли и всего этого грязного зрелища.

Сектанты между тем начали снимать маски, сжимаясь в тесный круг. А в центре его действительно оказалась Варвара. Но какая-то совершенно чужая, не похожая на себя. Глаза пустые, лицо безжизненное. Здорово ее обработали. Сама-то хоть понимает, что делает? Или в полной прострации?

В одной руке она уже держала петуха, в другой — нож. Птичку, наверное, тоже предварительно чем-то опоили, поскольку та не трепыхалась. Спокойно шла на заклатие. Но самое удивительное, что среди этих хлебобесов Василий обнаружил еще одну знакомую рожицу. Пети Горячкина. Третий раз на дно под ноги попадаетея.

И уже совсем непонятно, кто кого завлек в секту: он Варвару или она его? Да не важно теперь. Какая разница? Грязь сама к больной душе липнет. Надо что-то делать. Резко и решительно. Развеять как-то колдовские чары. Пока не пролилась кровь. Пусть даже птичья. Всё равно невинная.

На месте петуха у них мог бы быть и младенец. Может, и был уже. Где-то когда-то за тайной дверью “хлебного братства”. Кровь и хлеб — это символ. Только тут ему придают другое значение. Оккультное, дьявольское. И место здесь самое подходящее для шабаша. Эх, Варя, Варя... Вот в какие командировки ты в полнолуние ездешь.

— Ну, начнем, пожалуй, время на исходе, скоро другие петухи пропоют, пора и заканчивать, — вкрадчиво произнес отец Серафим.

А матушка Серафимка кровожадно добавила:

— Чего ждешь, сестрица? Чикай по горлу. Аль помочь?

И тут Вася уже не смог больше сдерживать свербёж в носу. Чихнул так громко, от всей души, что даже мальчика Колю разбудил.

30

Осиное гнездо переполошилось. Головы завертелись туда-сюда. Сектанты зашумелись, залопотали. А отец Серафим, встав со своего изломанного кресла и посмотрев на матушку Серафимку, ядовито изрёк:

— Это уже не крыса. Ты куда ж, дура, глядела? Почему помещение не проверила?

Та торопливо ответила:

— Да божж какой-нибудь! Чего зря волну гнать? Успокойся, Серафимушка. Щас мы его, погоди.

— Найти и обезвредить, — потребовал главный “хлебный апостол”. — Лучше — с концами. Без вариантов.

— Щас, щас. Ну-ка, сестрица, дай инструмент-то.

Варвара так и продолжала стоять как истукан, с петухом и ножиком. Остальные адепты сбились в кучку, напоминали малое баранье стадо. Изрядно взволнованное и перепуганное. Кроме, пожалуй, Горячкина. Который прежде других опомнился, тихонько отделился, пошел задом наперед. Попятился незаметно к двери. Хитер, сволота. Почуял, чем дело пахнет.

Да еще, заметил Василий, продолжая наблюдать, из-под балахона его струйка потекла. Со страха, видно. Слаб пришлый человек. Особенно в критических ситуациях. Мало русекого хлеба ел. Всё больше чипсы с мюслиями. А те мочевой пузырь слабят.

Матушка Серафимка отобрала у Вари “инструмент” и scomандовала:
— Ищите, все ищите! Найдете — убейте. На других бомжей спишут.

Но почему-то никто с места не тронулся.

— Ну, живо! Ловите его! — приказал сам отец Серафим, беря управление стадом в свои руки. А была бы плеть, то и постегал бы.

Однако и его громовой голос никак не подействовал. Не было повинования. А был лишь глухой ропот и рокот. Сломалась какая-то шестеренка в этом хорошо отлаженном и безупречном тоталитарном механизме. “Хлебная машина” для выпечки пустот испортилась. Почему? Бог знает. И управляет.

Может, настолько они все были перепуганы резким Васиным чихом на них сверху, что остолбенели; может, стало иссякать наркотическое воздействие матушкиной “хлебной закваски”; может, словеса вождя и вождихи начали терять свою магическую силу; может, по какой иной причине. Но секта разлаживалась прямо на глазах. Под крестным знаменем Василия Аверьяновича.

А Петя Горячкин уже и вовсе исчез. И мчался теперь во всю прыть по ночным Сокольникам, на ходу срывая с себя звездный балахон и теряя туфли. Но его дальнейшая история и судьба менее интересны, чем то, что происходило сейчас в Заброшенном Доме.

Оставшиеся же члены секты начали тоже расплзаться кто куда. Никак невозможно было их сплотить и направить куда надо, на поиски чужака. Отец Серафим со своей подругой-матушкой уже и толкали их, и пинали, и орали в лицо, но всё без толку. Трезвели люди, возвращались к своему человеческому естеству.

Да впрочем, Василий Аверьянович также уже не прятался на антресолях. Он выпрямился в полный рост, стал даже казаться гораздо выше, сильнее, непобедимее. Лицо было суровым, а глаза горели грозным огнем. Никто бы сейчас не смог ему противостоять. И он сам в эти мгновения слышал обращенный к нему извне трубный голос: “Аксиос! Аксиос!”

Не ожидали такого чудного явления и Серафим с Серафимкой. При виде спускающегося по лестнице Василия, похожего на готового к бою русского витязя, они раками попятились к выходу из Заколдованного Дома. И ножик сам собой выпал из рук матушки. И батюшку немота поразила, только глазами хлопал.

А тут вдруг и очухавшийся петух вспомнил, наконец, кто он и каковы его обязанности в предрассветные часы. Хлопая крыльями, вскочил на плечо к Варваре и громко, на все Сокольники, да, может, и на всю Россию, прокричал. Тряжды.

Эпилог

Ровно через год заветная мечта Василия Аверьяновича наконец-то сбылась. Вместе с Колей они отправились на Афон. Поездка заняла восемь дней. Впечатлений было много, всего не расскажешь. Да и не надо, самому стоит побывать. Тогда и увидишь всё своими глазами.

Ездил с ними, конечно же, и Варвара. Побывала в Метеорах, куда паломники поднимаются по прорубленным в скалах лестницам. Метеорские монахи живут по Афонскому уставу, но в свои монастыри, в отличие от святоторских, женщин пускают. А потом она ждала возвращения родных в портовом городе Уранополисе.